

2/396
440

14552
H

U $\frac{396}{440}$

H/70

МОСКОВСКАЯ
ЕПАРХИАЛЬНАЯ
ПЕЧАТОВНЯ

С. Григоровскій.

Причины
и
последствія

РАЗВОДА

— и —

бракоразводный процессъ на судѣ
духовномъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Я. И. Либермана. Фонтанка, 86.
1898.

Сергій Тригоровскій.

И $\frac{396}{440}$

ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ

РАЗВОДА

И

БРАКОРАЗВОДНЫЙ ПРОЦЕССЪ НА СУДѢ ДУХОВНОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

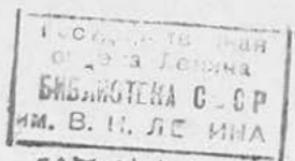
Паровая Скоропечатня Я. И. Либермана. Фонтанка, № 86.

1898.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. С.-Петербургъ, 2 Января 1898 г.

Старшій цензоръ, Архимандритъ Климентъ.

53703-46

2011136958

Наше современное бракоразводное право какъ въ матеріальномъ, такъ и процессуальномъ его содержаніи изложено въ Уставѣ Духовныхъ Консисторій, время отъ времени пополняемомъ циркулярными опредѣленіями и указами Святѣйшаго Синода. Вотъ почему, задавшись мыслью предложить хотя-бы краткій очеркъ нынѣ дѣйствующаго у насъ бракоразводнаго права и попутно остановить вниманіе на тѣхъ или иныхъ его особенностяхъ, мы обращаемся къ изученію именно указанныхъ источниковъ и начинаемъ это изученіе съ исторіи изданія Устава Духовныхъ Консисторій и общей его характеристики.

Мысль объ изданіи Устава Духовныхъ Консисторій возникла въ 1837 году, когда ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было повелѣть Синодальному Оберъ-Прокурору предложить Святѣйшему Синоду обратить ближайшее вниманіе на приведеніе дѣлопроизводства въ Духовныхъ Консисторіяхъ въ правильныя и однообразныя формы

(Предложеніе Синодальнаго Оберъ-Прокурора Святѣйшему Синоду 31 Іюля 1837 г. № 1566). До того времени дѣйствующее право русской церкви въ систематическомъ его изложеніи было изображено въ Духовномъ Регламентѣ, изданномъ при учрежденіи Святѣйшаго Синода, а наряду съ Духовнымъ Регламентомъ духовное вѣдомство руководствовало въ своихъ дѣйствіяхъ разновременно въ послѣдующее время состоявшимися Высочайшими указами и опредѣленіями Святѣйшаго Синода и примѣнительно дѣйствующими гражданскими законеніями. Во исполненіе упомянутой Высочайшей воли сначала былъ составленъ проектъ Устава Духовныхъ Консисторій, который въ 1838 году былъ введенъ въ дѣйствіе по епархіямъ въ видѣ опыта на одинъ годъ, а затѣмъ, по полученіи отъ епархіальныхъ архіереевъ, а также отъ графа Сперанскаго и министра Юстиціи Блудова, коимъ проектъ Устава былъ предложенъ по Высочайшему повелѣнію, отзывомъ о степени примѣнимости новыхъ правилъ или необходимости ихъ измѣненія и дополненія, проектъ Устава былъ вновь пересмотрѣнъ и уже въ окончательномъ видѣ Высочайше утверждень въ 27 день Марта 1841 года.

Въ послѣдующее затѣмъ время, въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, многія статьи Устава Духовныхъ Консисторій, вслѣдствіе разновременно состоявшихся

новыхъ узаконеній, подверглись значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, въ виду чего Уставъ этотъ былъ пересмотрѣнъ, съ цѣлю согласованія его съ современными узаконеніями, и въ 1883 году вышелъ новымъ, Высочайше утвержденнымъ, изданіемъ, продолжающимъ дѣйствовать и доселѣ. Кажется-бы, что Уставъ Духовныхъ Консисторій 1883 года, изданный спустя почти двадцать лѣтъ послѣ судебной реформы ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го, создавшей у насъ, на смѣну прежняго порядка судопроизводства, признаннаго самимъ правительствомъ неудовлетворительнымъ, новыя судебныя установленія, новый судъ — судъ правый, скорый и милостивый, принесетъ и новыя начала въ судоустройство и судопроизводство суда духовнаго, преобразуетъ то и другое сообразно тѣмъ началамъ, по которымъ совершена была реформа судоустройства и судопроизводства въ судахъ свѣтскихъ, поскольку, конечно, эти начала оказались-бы примѣнимыми къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго. Между тѣмъ параллельное изученіе Уставовъ Духовныхъ Консисторій 41 и 83 годовъ, если и говоритъ за то, что въ послѣдній изъ этихъ уставовъ вошли нѣкоторыя измѣненія и дополненія, сравнительно съ первымъ и въ видахъ согласованія его съ современными дѣйствующими узаконеніями, какъ объ-
я-

снено въ предисловіи къ нему, то во всякомъ случаѣ, по существу своему, въ основныхъ своихъ положеніяхъ, нынѣ дѣйствующій Уставъ Духовныхъ Консistorій, не говоря уже о матеріальной его сторонѣ, но и со стороны судопроизводственной процессуальной, остался вполнѣ вѣрнымъ его первоисточнику, составленному примѣнительно къ Своду Законовъ 1832 года. Отсюда понятно, почему Уставъ Духовныхъ Консistorій, въ отдѣлѣ судопроизводства по дѣламъ духовнаго вѣдомства, не чужды тѣхъ недостатковъ, какіе были свойственны, до изданія судебныхъ уставовъ 1864 года, и судопроизводству по гражданскому вѣдомству. Съ этой отрицательной стороны особое вниманіе останавливаетъ на себѣ нынѣ дѣйствующее въ духовномъ судѣ процессуальное бракоразводное право, въ которомъ по преимуществу сосредоточены недостатки прежняго, въ свѣтскихъ судахъ уже давнымъ давно отмѣннаго, процесса. И если не весь Уставъ Духовныхъ Консistorій, то во всякомъ случаѣ тотъ отдѣлъ его, въ коемъ изображенъ порядокъ производства на судѣ духовномъ дѣлъ о разводѣ брачномъ, настоятельно требуетъ капитальнаго пересмотра; современная постановка бракоразводнаго процесса уже отжила свое время, такъ сказать, износилась и преобразование ея, построение вмѣсто нея новаго зданія новой архитектуры, не

будетъ какимъ-либо либеральнымъ новшествомъ, посягательствомъ на твердые устои старины, а лишь дѣломъ простой необходимости, естественною смѣною стараго новымъ, худшаго лучшимъ.

Въ предлагаемыхъ нынѣ краткихъ очеркахъ мы имѣемъ въ виду прежде всего познакомить съ матеріальною стороною нашего бракоразводнаго права, трактующею объ основаніяхъ, условіяхъ и послѣдствіяхъ развода и засимъ указать хотя-бы только на существенные недостатки современной постановки бракоразводнаго процесса.

О законныхъ причинахъ развода.

І. Общія положенія.

По первоначальному Божественному установленію бракъ есть нерасторжимый союзъ мужа и жены: «еже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ» (Мате. XIX, 6), и только одна смерть, естественный конецъ всякаго бытія, полагая предѣлъ земному существованію человекъ, разрываетъ всѣ связи его съ оставшимися въ живыхъ, пресѣкаетъ и самыя крѣпчайшія узы—узы брачныя; только со смертью одного изъ супруговъ брачный союзъ ихъ прекращается самъ собою, не стѣсня свободы другаго супруга вступить въ новое супружество. «Жена, говоритъ Апостоль Павелъ, связана закономъ, доколѣ живъ мужъ ея; если-же мужъ ея умретъ, свободна выйти за кого захочетъ» (1 Кор. VII, 39. Рим. VII, 3). Что-же касается до причинъ прекращенія или расторженія брака при

жизни супруговъ, причинъ вполнѣ зависящихъ отъ воли супруговъ, то таковая и притомъ единственная причина указана Христомъ Спасителемъ въ Его нагорной проповѣди и въ отвѣтѣ на вопросъ фарисеевъ: «по всякой-ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ своею женою». «Моисей, отвѣтилъ Спаситель, по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, а сначала не было такъ. Но Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ» (Матѳ. V, 32 и XIX, 3, 8—9). Такимъ образомъ, съ строго канонической точки зрѣнія, по заповѣди Господней, расторженіе брака позволительно лишь по одной причинѣ—по винѣ прелюбодѣянія супруга; только въ прелюбодѣяніи, прекращающемъ единство плоти между мужемъ и женою («будутъ два плоть едины». Бытіе II, 24; Матѳ. XIX, 5), призналъ Христосъ разрушительное дѣйствіе на бракъ. Эту заповѣдь Христову о разводѣ свято хранила церковь по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, не допуская въ средѣ христіанскаго общества, въ противоположность господствовавшей тогда въ языческомъ мірѣ полной свободѣ разводовъ, расторженія брака по какой-либо иной причинѣ, «развѣ словесе прелюбодѣйна». Начиная-же съ IV вѣка, когда церковь вступила въ союзъ съ

государствомъ и когда первенствующимъ христіанамъ, наряду съ закономъ Божіимъ, необходимо было считаться и съ дѣйствовавшими тогда гражданскими законами о бракѣ, прежняя строгая вѣрность заповѣди Господней о бракѣ стала ослабѣвать. Если съ одной стороны гражданское правительство, при первыхъ-же христіанскихъ императорахъ, начало прислушиваться къ голосу церкви, стремясь сократить свободу разводовъ и установить опредѣленныя, законныя причины развода, то въ свою очередь и церковь, возставая вообще противъ своей воли въ разводѣ, вынуждена была пойти на взаимную уступку, допустить отступленіе отъ прежнихъ строгихъ своихъ правилъ о разводѣ. Плодомъ этихъ взаимныхъ уступокъ между церковью и государствомъ явился при Константинѣ Великомъ (въ 331 году) первый законъ, ограничивающій свободу разводовъ, но допускающій однако расторженіе брака не только по винѣ прелюбодѣянія, но и по другимъ опредѣленнымъ причинамъ. При послѣдующихъ императорахъ законъ Константина Великаго о брачномъ разводѣ не разъ видоизмѣнялся, то наклоняясь къ большей свободѣ разводовъ (напр., при Юліанѣ Отступникѣ), то снова сокращая ее; но наиболѣе точную и полную формулировку получили постановленія о законныхъ причинахъ къ разводу при императорѣ Юстиніанѣ, законода-

тельство котораго о брачномъ разводѣ легло въ основаніе бракоразводнаго права восточной православной церкви, принято было въ греческій церковный Номоканонъ, вошло, наконецъ, и въ нашу Кормчую (гл. 44 и 48). Въ Юстиніановыхъ законахъ (117 новелла) основаніемъ къ разводу признается не одно прелюбодѣяніе, но и другія причины: или квалифицированныя, какъ прелюбодѣяніе, напр., нахожденіе (мытье) женщины въ банѣ съ посторонними мужчинами, пребываніе ея въ теченіе ночи внѣ дома, конкубинатъ мужчины, держаніе имъ любовницы въ одномъ домѣ съ женою и т. п.; или приравниваемая смерти, напр., физическая неспособность къ браку, плѣнь, уголовное наказаніе—политическая смерть. Каково-бы ни было дальнѣйшее развитіе и какимъ-бы значительнымъ измѣненіямъ ни подвергалось въ послѣдующее время Юстиніаново законодательство о брачномъ разводѣ, несомнѣннымъ фактомъ въ исторіи бракоразводнаго права восточной церкви остается то обстоятельство, что расторженіе брака допускается не только по прелюбодѣянію, но и по тѣмъ или инымъ определенно установленнымъ причинамъ. Тоже явленіе должно быть отмѣчено и на всемъ протяженіи исторіи нашего отечественнаго бракоразводнаго права. У насъ въ Россіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, приняты были и греческіе церковные законы о раз-

водѣ; тѣже нормы относительно прекращенія брака, какія были установлены правилами церковными и законами византійскихъ императоровъ, продолжали дѣйствовать и у насъ, по крайней мѣрѣ, въ допетровскій періодъ, съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями, обусловленными особенностями русскаго быта. Со времени Петра Великаго древнія постановленія о брачномъ разводѣ были замѣнены новыми постановленіями русской церковной и гражданской власти, но и сими послѣдними допускается расторженіе брака не только по прелюбодѣянію, единственной, по заповѣди Христа, законной причинѣ развода, но и по другимъ точно установленнымъ поводамъ.

По нынѣ дѣйствующимъ у насъ о брачномъ разводѣ узаконеніямъ расторженіе брака дозвоительно по слѣдующимъ причинамъ: по прелюбодѣянію, физической неспособности къ брачному сожитію, безвѣстному отсутствію и за ссылкою въ Сибирь одного изъ супруговъ (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г., ст. 45, и п. 2 ст. 45, по прод. 1893 г.); есть далѣе особые случаи расторженія браковъ, хотя и не въ собственномъ смыслѣ этого слова; случаи эти относятся исключительно до браковъ нехристіанъ между собою и имѣютъ мѣсто лишь тогда, когда одинъ изъ супруговъ-нехристіанъ обратится къ православію, а другой, оставшійся въ

прежней вѣрѣ, или не пожелаетъ съ нимъ оставаться въ бракѣ, или пожелавъ откажется выполнить тѣ условія, при наличности которыхъ законъ признаетъ возможнымъ оставить бракъ такихъ супруговъ въ силѣ (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г., ст. 80—83); наконецъ, допускается *прекращеніе* брака, при жизни супруговъ, въ случаѣ добровольнаго ихъ согласія поступить въ монашество, если они только достигли узаконенныхъ для того лѣтъ и не имѣютъ малолѣтнихъ дѣтей, требующихъ родительскаго призрѣнія (Т. IX, изд. 1876 г., ст. 347, п. 1, и Духовн. Регл. приб. о монахахъ п. 5).

Отъ этого перечня признаваемыхъ нашими церковно-гражданскими законами причинъ расторженія брака, перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго существа этихъ причинъ, ихъ, такъ сказать, внутренняго содержанія и тѣхъ условій, при наличности которыхъ законъ принимаетъ названныя причины за основанія къ разводу.

II. Прелюбодѣяніе.

Нарушеніе супружеской вѣрности прелюбодѣяніемъ было допущено, какъ единственное законное основаніе къ разводу, самимъ Спасителемъ (Матѳ. V, 32 и XIX, 3, 8—9), признавшимъ въ немъ разрушающее дѣйствіе на бракъ и съ этой

стороны о немъ не можетъ быть и рѣчи. Первый, подлежащій нашему разрѣшенію, вопросъ заключается въ томъ, *что слѣдуетъ разумѣть подѣ прелюбодѣніемъ*, какъ опредѣлить самое понятіе, смыслъ этого слова. Въ византійскихъ гражданскихъ постановленіяхъ, а равно и въ древнихъ церковныхъ правилахъ въ понятіе прелюбодѣнія входило не только внѣбрачное—плотское совокупленіе (для жены со всякимъ постороннимъ мужчиною, а для мужа съ посторонней замужней женщиною), но на ряду съ этимъ, такъ сказать, прямымъ прелюбодѣніемъ и квалифицированные ему нѣкоторые проступки мужа и жены противъ цѣломудрія и супружеской вѣрности; напр., нахождение жены вообще въ какихъ либо предосудительныхъ сношеніяхъ съ мужчинами, участіе ея въ ихъ пиршествахъ, мытье съ ними въ банѣ, отсутствіе ея на ночь изъ дома мужа, если будетъ доказано, что она учинила это съ преступною цѣлю совершенія прелюбодѣнія и т. п. Современныя намъ узаконенія о брачномъ разводѣ не даютъ точнаго опредѣленія понятію прелюбодѣнія и видимо разумѣютъ подѣ нимъ ничто иное, какъ внѣбрачное плотское совокупленіе; но вмѣстѣ съ симъ, хотя эти узаконенія и не говорятъ прямо о квалификаціи прелюбодѣнія и не приводятъ какихъ-либо частныхъ фактовъ въ поведеніи супру-

говъ, каковыя факты были-бы приравниваемы прямому прелюбодѣянiю, однако изъ характера требуемыхъ духовнымъ судомъ доказательствъ преступленiя прелюбодѣянiя (249 ст. Уст. Дух. Конс.), намъ думается, вполне позволительно вывести то заключенiе, что и современное намъ бракоразводное право понимаетъ прелюбодѣянiе въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ плотское совокупленiе.

Что касается до *условiй*, при наличности которыхъ прелюбодѣянiе признается основанiемъ къ расторженiю брака по нынѣ дѣйствующимъ у насъ о брачномъ разводѣ узаконенiямъ, то они, собственно говоря, соединяются въ одномъ положенiи, а именно: чтобы быть принятою за основанiе къ разводу, прелюбодѣянiе, въ чемъ-бы оно ни выражалось, должно быть подтверждено на судѣ духовномъ указанными въ законахъ (ст. 249 Уст. Дух. Конс.; см. ниже) доказательствами, причемъ собственное признанiе отвѣтной стороны въ нарушенiи святости брака прелюбодѣянiемъ само по себѣ не приѣмлется въ уваженiе (ст. 250 Уст. Дух. Конс.), разъ оно не подтверждается другими обстоятельствомъ дѣла. Правило это—о такомъ значенiи собственнаго признанiя—существуетъ лишь съ 1811 года (Указъ Св. Синода, по Высоч. пов. 28 Юня 1811 года. Полн. Собр. Зак. № 24693) тогда какъ до этого времени церковный судъ

признавалъ собственное признаніе, въ согласіи съ воинскимъ процессомъ, «лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта». (Воин. Проц., ч. II гл. 2, п. 1).

Съ другой стороны, прелюбодѣяніе, какъ-бы оно ни было твердо и безспорно доказано, перестаетъ по закону быть основаніемъ къ расторженію брака и таковой остается въ силѣ въ нижеслѣдующихъ трехъ случаяхъ: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянія и другаго—ищущаго развода супруга (ст. 45, Т. X, ч. I, изд. 1887 года); 2) въ случаѣ, если обвиняемый на судѣ духовномъ въ прелюбодѣяніи супругъ былъ ранѣе привлеченъ за то же преступленіе къ отвѣтственности, по 1585 ст. Улож. о Наказ., въ порядкѣ суда уголовного (Т. XVI, ч. 1, Уст. Угол. Судопр., изд. 1892 года, ст. 1016), такъ какъ и по законамъ уголовнымъ (*ibid.* ст. 22), и по правиламъ церковнымъ (Василія Великаго прав. 3 и 32) лицо, виновное въ какомъ-либо противозаконномъ дѣяніи, не можетъ быть за такое наказуемо дважды; правда, здѣсь мы сталкиваемся съ такимъ возраженіемъ, не разъ высказаннымъ въ печати, а именно: доказываютъ, будто-бы при расторженіи судомъ духовнымъ брака по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ сіе послѣднее остается ненаказуемымъ, такъ какъ сопровождающія расторженіе брака послѣдствія—осужденіе виновнаго въ прелюбодѣяніи супруга на

всегдашнее безбрачіе и преданіе его церковной епитиміи — не есть наказаніе. Но нужно-ли опровергать подобное возраженіе: несостоятельность его болѣе чѣмъ очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ осужденіе на всегдашнее безбрачіе, какъ одно изъ послѣдствій расторженія брака, не есть наказаніе болѣе тяжкое, чѣмъ наказаніе налагаемое за прелюбодѣяніе по уголовнымъ законамъ (1585 ст. Улож. о Наказ.); по нашему мнѣнію, лишеніе возможности во всю послѣдующую жизнь пріобрѣсти такія коренныя права, каковы права семейственныя, изъ брака вытекающія, есть наказаніе болѣе сильное, чѣмъ лишеніе какихъ бы то ни было другихъ особенныхъ правъ и преимуществъ, коими сопровождаются по нашему уголовному кодексу преступленія весьма серьезной важности. А церковное покаяніе или епитимія—развѣ не наказаніе? Несомнѣнно наказаніе, и наказаніе болѣе страшное и тяжкое, чѣмъ какое-либо другое: епитимія лишаетъ насъ одного изъ важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ правъ христіанина—права пріобщенія святыхъ тайнъ; 3) наконецъ, прелюбодѣяніе перестаетъ быть основаніемъ къ разводу еще вслѣдствіе состоявшагося между супругами примиренія (ст. 240 Уст. Дух. Конс.); въ данномъ случаѣ примиреніе это какъ-бы покрываетъ и погашаетъ вину прелюбодѣянія

и супругъ, простившій эту вину, впоследствии не можетъ на основаніи того-же самаго, уже прощеннаго факта, прелюбодѣянія, искать развода. Къ этимъ тремъ случаямъ, когда прелюбодѣяніе перестаетъ быть основаніемъ къ разводу, слѣдовало-бы присоединить и четвертый, а именно: погашеніе прелюбодѣянія, какъ повода къ разводу, путемъ давности, какъ это и было принято византійскими брачными законами, по коимъ супругъ, пропустившій пятилѣтній срокъ во времени совершенія другимъ супругомъ преступленія, *eo ipso* утрачивалъ право полагать это преступленіе въ основаніе своего иска о разводѣ. Установленіе той или иной давности несомнѣнно повело-бы вообще къ сокращенію разводовъ и во всякомъ случаѣ устранило-бы далеко не рѣдкіе въ практикѣ духовнаго суда странные случаи воздужденія исковъ о разводѣ на основаніи такихъ давно минувшихъ событій прелюбодѣянія, которыя по своей древности едва-ли и могутъ быть строго констатированы.

Обсуждая засимъ приведенные случаи, когда прелюбодѣяніе утрачиваетъ значеніе основанія къ разводу, мы не можемъ не остановиться на одномъ изъ нихъ, а именно на оставленіи брака въ силѣ при обоюдной виновности супруговъ въ прелюбодѣяніи (ст. 45, Т. X, ч. 1, изд. 1887 года) и не спросить, какими-же каноническими доводами оправдывается

подобное постановленіе, съ перваго-же взгляда бьющее въ глаза своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Наша церковь допускаетъ расторгненіе брака по винѣ прелюбодѣянія, основываясь, какъ мы уже знаемъ, на словахъ самого Спасителя: «глаголюже вамъ, яко иже аще пуститъ жену свою развѣ словесе прелюбодѣйна и оженится иною, прелюбы творить: и женяйся пущеницею прелюбы дѣветъ» (Матѣ. XIX, 9). Въ этихъ словахъ Спасителя заключается, по нашему разумѣнію, лишь общее положеніе относительно расторжимости брака, допускаемой не иначе, какъ по винѣ прелюбодѣянія, и выводитъ изъ нихъ заключеніе о дозволенности расторгненія брака по винѣ прелюбодѣянія только одного изъ супруговъ, а не обоихъ, едва ли возможно, а другихъ каноническихъ указаній, прямо возбраняющихъ расторгненіе брака по прелюбодѣянію обоихъ супруговъ, мы не имѣемъ. Съ другой стороны, рѣшеніе духовнаго суда объ оставленіи въ силѣ брака, когда онъ дѣйствительно нарушенъ обоими супругами, нельзя объяснить и какими либо нравственными мотивами: не заключаетъ-ли въ себѣ подобное рѣшеніе внутреннего противорѣчія, не игра-ли это словъ: бракъ оставляется въ силѣ, потому что онъ обезсиленъ обоими супругами, взаимно виновными въ его нарушеніи? Въдѣ брачный союзъ заключается не для одного плотскаго сожи-

2 → поощренье

тельства, но для всесторонняго общенія между мужемъ и женою, что такъ мѣтко выражено въ римскомъ опредѣленіи брака, усвоенномъ и Кормчею книгою, этимъ основнымъ источникомъ русскаго брачнаго права: «Nuptiae sunt coniunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio» (Dig. XXIII, 2, 1.) «Бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и събытіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды общеніе» (Градск. зак., Кормч. кн. гл. XLVIII, грань IV, гл. 1). Какого-же «всесторонняго общенія» можно ожидать отъ такихъ мужа и жены, которые осквернили свое брачное ложе, попрали святость брачнаго союза? Если они, одинаково виновные въ одномъ и томъ-же грѣхѣ, не покаются въ немъ, если даже и пастырское назиданіе и увѣщанія, предлагаемыя супругамъ прежде чѣмъ дать ходъ бракоразводному ихъ процессу, не привели ихъ къ примиренію, къ чистосердечному желанію забыть обоюдныя оскорбленія и понести тяготы другъ друга, то можетъ-ли здѣсь быть рѣчь о какомъ-либо нравственномъ, «всестороннемъ между ними общеніи?» А разъ этого «общенія» нѣтъ разъ утратилось внутреннее содержаніе брачныхъ узъ, оставлять при подобныхъ условіяхъ бракъ въ силѣ значило-бы сознательно отдавать таинство брака на поприще тѣмъ, кто или не понимаетъ

этого таинства или явно не способенъ блюсти его во всей его чистотѣ и неприкосновенности. Если священнослужитель за извѣстныя дѣянiя, несомнѣ- стимыя съ его священнымъ саномъ, лишается этого сана, если ему, согрѣшившему противъ таинства священства, возбраняется пользоваться связанными съ этимъ таинствомъ правами и положенiемъ, то не тоже-ли самое нужно сказать и о погрѣшив- шихъ противъ таинства брака? Такимъ образомъ, отсутствiе каноническихъ запрещенiй съ одной стороны и указанные нами выше побудительные мотивы чисто нравственнаго свойства съ другой приводятъ насъ къ заключенiю о томъ, что бракъ, нарушенный прелюбодѣянiемъ обоихъ супруговъ, не только можетъ, но и долженъ быть растор- жимъ, причемъ въ случаяхъ такого расторженiя, по аналогiи съ расторженiемъ брака по прелюбо- дѣянiю одного изъ супруговъ, обѣимъ сторонамъ должно быть воспрещаемо вступленiе въ новое су- пружество, если вообще есть основанiе для осу- жденiя лица, виновнаго въ прелюбодѣянiи, на безбрачiе, и сверхъ того какъ та, такъ и другая сторона должна подвергаться соответственному церковному покаянiю. Конечно, было-бы странно и неестественно не желать, чтобы бракъ, этотъ краеугольный камень въ общественной и государ- ственной жизни всякаго народа, былъ союзомъ

прочнымъ и устойчивымъ, но нельзя въ то же время не согласиться съ старинною истиною: изъ двухъ золъ выбирай меньшее; расторженіе брака—явленіе, разумѣется, не желательное, печальное, несомнѣнно зло, но не вдвойнѣ-ли зло, не болѣе ли тяжкими послѣдствіями сопровождается оставленіе въ силѣ брака такихъ супруговъ, для которыхъ въ этой брачной связи не осталось уже ничего святого, у которыхъ чистота, святость брачныхъ узъ стала лишь пустымъ звукомъ?

Теперь рассмотримъ вопросъ о томъ, какими *послѣдствіями сопровождается расторженіе брака по прелюбодѣянію*. Прежде всего съ разводомъ прекращаются личныя отношенія между супругами, каждый изъ нихъ становится свободнымъ въ личныхъ обязательствахъ къ другому. Относительно состоянія или званія, а равно фамиліи разведенной жены въ нашихъ законахъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній и хотя въ подлежащихъ инстанціяхъ не разъ возбуждались объ этомъ сужденія, но тѣмъ не менѣе и до настоящаго времени вопросъ этотъ остается открытымъ. Обыкновенно-же, какъ это видно изъ документовъ выдаваемыхъ разведеннымъ женамъ, онѣ именуется по званію бывшихъ мужей съ добавленіемъ особаго термина—«бракоразведенная», и притомъ внѣ всякой зависимости отъ того, по ихъ-ли или по винѣ ихъ мужей былъ расторг-

нуть бракъ. Такое, скорѣе практическое чѣмъ юридическое, разрѣшеніе даннаго вопроса находить себѣ единственное оправданіе въ 24 ст. Улож. о Наказ., говорящей, что лишеніе правъ состоянія мужа не распространяется на его жену.

Имущественныя права разведенныхъ супруговъ въ нѣкоторомъ отношеніи остаются тѣже, что были и при ихъ бракѣ, такъ какъ по дѣйствующему у насъ закону (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г., ст. 109—117) бракомъ не составляется общаго владѣнія въ имуществѣ супруговъ; каждый изъ нихъ можетъ имѣть и приобрѣтать отдѣльную свою собственность; приданое жены и всякое другое имѣніе, приобрѣтенное ею или на ея имя во время замужества чрезъ куплю, даръ, наслѣдство или инымъ законнымъ образомъ, признается ея отдѣльною собственностію. Имущество-же, бывшее въ общемъ владѣніи супруговъ, по расторженіи ихъ брака, распредѣляется между ними или по взаимному ихъ согласію или, въ случаѣ спора, по рѣшенію подлежащаго суда. Всякія наслѣдственныя права каждаго изъ разведенныхъ супруговъ на имущество другаго съ разводомъ прекращаются.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если разводъ прекращаетъ брачный союзъ между супругами и ведетъ за собою утрату ими всякихъ личныхъ и имущественныхъ правъ одного надъ другимъ, онъ не погашаетъ

однако союза родственнаго, той родственной или свойственной связи, которая образовалась чрезъ бракъ, хотя-бы впослѣдствіи и расторгнутый, между однимъ изъ разведенныхъ супруговъ и родственниками другаго супруга, между дѣтьми разведенныхъ супруговъ и родственниками каждаго изъ этихъ супруговъ и т. д.; однимъ словомъ, не погашаетъ того родства или свойства, которыя чрезъ бракъ данныхъ супруговъ были или могли-бы быть между отдѣльными родами при нерасторженіи брака разведенныхъ супруговъ. Вотъ почему, хотя-бы бракъ данныхъ супруговъ и былъ расторгнутъ, съ нимъ всетаки приходится считаться при разрѣшеніи вопроса о дозволенности или недозволенности браковъ между тѣми родственниками или свойственниками, которые стали таковыми чрезъ этотъ расторгнутый бракъ. Такъ напр., разведенному супругу - мужу не можетъ быть разрѣшенъ бракъ съ сестрою его разведенной жены и т. п.

Наконецъ, есть и еще одно послѣдствіе развода въ личныхъ правахъ разведенныхъ супруговъ, а именно: невиновный супругъ, по расторженіи его прежняго брака, можетъ вступить въ новое супружество (ст. 253 Уст. Дух. Конс.), но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что всякій расторгнутый бракъ включается въ число трехъ послѣдовательно дозволенныхъ браковъ (дѣло Св. Синода

1824 г., по архиву № 1078), такъ что если для даннаго супруга его расторгнутый бракъ былъ третьимъ по счету, то ему, хотя-бы и невиновному въ расторженіи этого брака, не можетъ быть разрѣшенъ новый бракъ, ибо онъ былъ-бы четвертымъ (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г., ст. 21); супругъ-же, по винѣ прелюбодѣянiя котораго расторгнуть бракъ, осуждается на всегдашнее безбрачіе и предается семилѣтней церковной епитиміи (ст. 253 Уст. Дух. Конс. и 77 пр. Св. Васил. Велик.). По вопросу объ осужденіи виновнаго въ прелюбодѣянiи супруга на всегдашнее безбрачіе, о каноническомъ основаніи для сего положенія, создалась цѣлая литература, при чемъ большинство авторитетовъ канонической науки склоняются къ возможности разрѣшать новый бракъ и виновному супругу, по отбытіи имъ семилѣтней епитиміи, но есть и обратныя мнѣнія, такъ что во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ остается пока открытымъ.

Что касается до дѣтей бракоразведенныхъ супруговъ, то прежде всего личныя права и власть надъ ними ихъ родителей, а равно и обязанности къ нимъ послѣднихъ, какъ-то: содержаніе и воспитаніе—остаются *de jure* неприкосновенными и по расторженіи брака за прелюбодѣянiемъ одного изъ ихъ родителей (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г., ст. 178). По поводу-же фактическаго положенія такихъ

дѣтей, т. е. какъ эти дѣти должны быть распределены между супругами, при расторженіи брака послѣднихъ, и кому изъ супруговъ предоставляется преимущественное право на воспитаніе дѣтей, въ нашихъ законахъ никакихъ постановленій нѣтъ. Конечно, вопросъ этотъ прежде всего можетъ быть разрѣшенъ любовнымъ соглашеніемъ самихъ бракоразведенныхъ супруговъ, а разъ этого соглашения нѣтъ, дальнѣйшее положеніе и судьба дѣтей устанавливается путемъ обращенія къ гражданскому суду, который въ данномъ случаѣ принимаетъ въ соображеніе какъ то обстоятельство, по винѣ коего изъ супруговъ былъ расторгнутъ бракъ, такъ и вообще матеріальныя условія и моральныя качества того и другаго супруга. Наслѣдственные права дѣтей, по отношенію къ имуществу ихъ родителей, и послѣ состоявшагося между послѣдними развода, остаются въ своей силѣ, точно также и бракоразведенные супруги съ разводомъ не лишаются права на пожизненное владѣніе (ст. 1141, Т. X, ч. 1) имѣніемъ ихъ дѣтей, если послѣднія умрутъ бездѣтными, что, между прочимъ, подтверждается рѣшеніемъ Сената 1868 года по дѣлу Лубье.

По вопросу о томъ, возможно-ли *возстановленіе* брака, расторгнутаго по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ, если, конечно, сами бракоразведенные супруги, примирившись впослѣдствіи другъ съ дру-

гомъ, будутъ искать этого возстановленія, прямого отвѣта ни въ Уст. Дух. Конс., ни въ дѣйствующихъ гражданскихъ узаконеніяхъ нѣтъ, но съ одной стороны изъ того положенія тѣхъ-же узаконеній, что лицу вступившему при живомъ супругѣ въ новый бракъ, по признаніи этого брака незаконнымъ, дозволяется возобновленіе или продолженіе прежняго брака (Уст. Дух. Конс. ст. 214 и Т. X, ч. 1, ст. 40), а съ другой стороны и потому, что дѣла о разводѣ по прелюбодѣянью возбуждаются не иначе какъ по иску одного изъ супруговъ и могутъ быть, за примиреніемъ послѣднихъ, прекращаемы во всякой стадіи ихъ развитія (Уст. Дух. Конс., ст. 223 и 240), казалось-бы возможно вывести заключеніе и о дозволенности возстановленія брака, расторгнутаго за прелюбодѣянніемъ одного изъ супруговъ. Противорѣчить-ли такое заключеніе каноническимъ правиламъ, это видно изъ того, что «Св. Синодъ не отказываетъ бракоразведеннымъ супругамъ въ своемъ соизволеніи на возстановленіе ихъ брака, если они, раскаявшись, просятъ о томъ» и если къ сему нѣтъ другихъ законныхъ препятствій (Курсъ гражд. пр. К. П. Побѣдоносцева, изд. 1896 г., ч. I стр. 107).

Такова матеріальная сторона вопроса о расторженіи браковъ за прелюбодѣянніемъ; отъ нея пе-

II
рейдемъ къ рассмотрѣнію процессуальною порядкомъ въ дѣлахъ этого рода.

1)
Дѣла о расторженіи браковъ, по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ, какъ и всѣ вообще дѣла о разводахъ, подлежатъ вѣдѣнію суда духовнаго (ст. 223 Уст. Дух. Конс.) и вчинаются, согласно 224 ст. того-же уст., въ тѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ обязанные бракомъ супруги (точнѣе говоря, мужъ, такъ какъ наши законы—103 ст., ч. 1, Т. X,—не признаютъ за женою права отдѣльнаго отъ мужа проживанія) имѣютъ постоянное мѣсто-жительство, опредѣляемое (примѣч. къ ст. 443, ч. II, Зак. Суд. Гражд., Т. XVI, изд. 1892 года) однимъ изъ трехъ признаковъ: или мѣстомъ служенія лица, или мѣстомъ, въ коемъ оно приписано къ какому-либо сословію, или всегдашнимъ жительствомъ. Такимъ образомъ *подсудность* исковъ о расторженіи браковъ по прелюбодѣянію носить на себѣ исключительно субъективный характеръ: разслѣдованіе, установленіе факта преступленія, въ данномъ случаѣ факта прелюбодѣянія, идетъ не за преступленіемъ, а за лицомъ и притомъ иногда не за тѣмъ, кто его совершилъ, въ случаѣ если прелюбодѣяніе совершено женою. Такая постановка вопроса о подсудности исковъ о расторженіи брака по прелюбодѣянію имѣетъ чрезвычайно важное, къ сожалѣнію, отрицательное значеніе въ судьбѣ

баркоразводнаго процесса: прежде всего она служить существеннымъ тормазомъ въ производствѣ дѣлъ, а съ другой стороны, вредить и самой цѣли производства: правильному, всестороннему разслѣдованію преступленія и возстановленію его дѣйствительной обстановки. Представимъ себѣ такой случай: мужъ, обязанный постояннымъ мѣстомъ жительства въ Иркутскѣ, временно проживая въ С.-Петербургѣ, совершилъ здѣсь прелюбодѣяніе; жена его, буде пожелаетъ расторженія брака съ нимъ, вынуждена предъявить свой искъ, согласно 224 ст. уст. дух. конс., не въ петербургской консисторіи, хотя самый фактъ прелюбодѣянія совершенъ въ Петербургѣ, гдѣ скорѣе всего проживаютъ и свидѣтели этого преступленія и гдѣ во всякомъ случаѣ сосредоточена вся матеріальная обстановка преступленія, всѣ данныя для его выясненія, а въ Иркутскѣ, за цѣлыя тысячи верстъ отъ мѣста совершения преступленія. Или другой случай: жена какого-либо петербуржца, отправившись на минеральныя воды куда-либо на Кавказъ или Крымъ, нарушить тамъ супружескую вѣрность или, оставивъ мужа, въ раздѣльной съ нимъ жизни, проживетъ тамъ отъ незаконной связи ребенка или, наконецъ, продолжительное время будетъ сожигать въ одной квартирѣ съ постороннимъ лицомъ. Искъ о расторженіи брака въ данномъ

случаѣ долженъ быть вчатъ не тамъ, гдѣ все говорить о преступленіи, гдѣ съ большимъ успѣхомъ и легкостію можно собрать улики, изобличающія виновную, а издалека, въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ, а они далеко не рѣдки, бракоразводный процессъ долженъ вестись на значительномъ разстояніи отъ мѣста совершенія преступленія, а отсюда и его излишняя длительность во времени, неизбѣжное осложненіе процедуры самого производства и въ результатѣ меньшая возможность обстоятельнаго, всесторонняго выясненія дѣйствительности изслѣдуемаго преступленія. Нужно-ли доказывать, что преступленіе прелюбодѣянія, имѣвшее мѣсто, на примѣръ, въ Петербургѣ, скорѣе можетъ быть съ большею обстоятельностью, удобствомъ и легкостію разслѣдовано петербургскою консисторіею, гдѣ оно подъ рукою, чѣмъ иркутскою, удаленною отъ него на цѣлыя тысячи верстъ? Съ другой стороны, разъ бракоразводный искъ будетъ вчинаться въ консисторіи той епархіи, въ предѣлахъ коей совершено преступленіе, скорѣе можетъ быть, что свидѣтели по дѣлу будутъ спрошены въ консисторіи, а не полиціею, такъ какъ 251 ст. уст. дух. конс. говоритъ, что «свидѣтели, находящіеся въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится дѣло, допрашиваются въ консисторіи», а несомнѣнно, что при допросѣ свидѣтелей въ При-

судствіи Консисторіи, предъ лицомъ самого суда и при участіи тяжущихся сторонъ, духовный судъ, непосредственно руководя допросомъ, будетъ располагать большими и надежнѣйшими средствами къ точному и несомнительному уясненію дѣйствительныхъ обстоятельствъ бракоразводнаго иска, и правильной оцѣнкѣ представленныхъ тяжущимися доказательствъ и обнаруженію лжесвидѣтельства, этой язвы бракоразводныхъ процессовъ.

Всѣ эти доводы даютъ, думается намъ, достаточное основаніе желать, чтобы въ духовномъ судѣ въ дѣлахъ о расторженіи брака по прелюбодѣянью была усвоена таже подсудность, какъ и въ судѣ уголовномъ. Тамъ всякое преступное дѣяніе (ст. 208 уст. угол. судопр.), за исключеніемъ случаевъ положительно въ законѣ указанныхъ, изслѣдуется въ той мѣстности, гдѣ оно учинено, и судится въ томъ судѣ, коему мѣстность сія подвѣдомственна. Чѣмъ, спрашивается, руководился законодатель, устанавливая такую подсудность для дѣлъ уголовныхъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ одномъ изъ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента (1867 г., № 46, по дѣлу Спицыной), гдѣ сказано, что законодатель въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду, что слѣдствіе нигдѣ не можетъ быть проведено съ такимъ успѣхомъ, какъ въ мѣстѣ, гдѣ учинено преступленіе, не только потому, что явка

свидѣтелей къ слѣдствію, по близости ихъ мѣста жительства, не представляетъ затрудненій, но также и потому, что при мѣстномъ розыскѣ удобнѣе усмотрѣть слѣды преступленія и собрать улики и доказательства вины или невиновности подсудимаго. Думаемъ, что эти разсужденія, если не прямо, то косвенно, примѣнимы и къ дѣламъ бракоразводнымъ.

3) Послѣдующія статьи устава дух. конс. по дѣламъ о расторгненіи брака, по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ (240, 245 и 246) трактуютъ о двухъ стадіяхъ бракоразводнаго процесса — *увѣщаніи* супруговъ о прекращеніи возникшаго между ними несогласія христіанскимъ примиреніемъ, и *судово-решеніи*. Прежде всего является открытымъ вопросъ о томъ, безусловно ли необходимы указанныя стадіи бракоразводнаго процесса? Не колеблясь можно отвѣтить лишь о безусловной необходимости первой стадіи процесса—увѣщаніи, хотя бы желаемые результаты его и были рѣдкимъ исключеніемъ, такъ какъ этимъ путемъ суду духовному представляется возможность выполнить свой священный долгъ по отношенію къ брачному союзу, охранить его цѣлость, содѣйствовать крѣпости брачныхъ узъ, какъ союза по первоначальной своей идеѣ нерасторжимаго («еже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ»). Но если увѣщаніе является необходи-

мымъ актомъ въ дѣлахъ бракоразводныхъ, то производство акта судоговоренія въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно ничѣмъ не оправдывается. Въ самомъ дѣлѣ, если лицо, ищущее развода, доказало путемъ уголовного суда виновность своего супруга въ кровосмѣшеніи или (буде ищетъ мужъ) въ прижитіи дѣтей внѣ законнаго супружества и приговоры о семъ суда свѣтскаго представляетъ, какъ основаніе своего иска, на судѣ духовномъ, — то является ли въ этомъ случаѣ потребность въ судоговореніи и вообще въ ближайшемъ производствѣ дѣла — обслѣдованіи представленныхъ доказательствъ бракоразводнаго иска? Очевидно нѣтъ, такъ какъ разъ въ свѣтскомъ судѣ установлена виновность извѣстнаго лица въ кровосмѣшеніи или въ прижитіи дѣтей внѣ законнаго супружества, то eo ipso устанавливается наличность виновности его и въ прелюбодѣяніи, влекущемъ за собою расторженіе брака. Слѣдовательно констатировать въ данномъ случаѣ фактъ прелюбодѣянія еще въ судѣ духовномъ — значило бы доказывать доказанное: суду духовному остается лишь постановить рѣшеніе о расторженіи брака, опираясь исключительно на приговоръ свѣтскаго суда о виновности лица въ кровосмѣшеніи или прижитіи дѣтей внѣ законнаго супружества.

Въ слѣдующей, 247, статьѣ устава духовныхъ консисторій выясняется самое существо судогово-

ренія; въ ней говорится, что на судоговореніи «истецъ изъясняетъ улики и доказательства, представляетъ документы, буде имѣеть, и указываетъ свидѣтелей преступленія, если таковыя были, а отвѣтчикъ изъясняетъ свои оправданія». Изъ этого опредѣленія status'a судоговоренія нельзя не заключить, что судоговореніе есть такой актъ бракоразводнаго процесса, на коемъ обѣ тяжущіяся стороны должны до конца высказаться по своему дѣлу, исчерпать весь матеріалъ, для выясненія возникшаго между ними пререканія. Между тѣмъ въ практикѣ духовнаго суда далеко не рѣдки случаи, что тяжущіеся представляютъ новыя доказательства — одинъ въ подтвержденіе своего иска и другой въ свое оправданіе—уже тогда, когда консисторскій судъ приступилъ къ разслѣдованію данныхъ по дѣлу, указанныхъ на судоговореніи, а иногда даже и послѣ обслѣдованія этихъ данныхъ. Не отказывая тяжущимся въ разсмотрѣніи и подобнаго запоздлага матеріала, духовный судъ даетъ широкое поле ихъ произволу и особенно—виновной сторонѣ, которая, пользуясь этою льготою, можетъ злонамѣренно оттягивать развязку дѣла. Тогда какъ при правильномъ, закономъ установленномъ, взглядѣ на судоговореніе, какъ на такой актъ бракоразводнаго процесса, на коемъ должно быть указано сторонами все pro и contra предъявленнаго иска,

несомнѣнно и бракоразводный процессъ значительно выиграеть во времени и у отвѣтной стороны будетъ отнято весьма сильное орудіе испытывать долготерпѣніе ищущаго развода и самого духовнаго суда.

Въ такомъ-же неустойчивомъ, неопредѣленномъ положеніи, какъ судоговореніе, находится и другой непосредственно связанный съ нимъ и не менѣе важный въ бракоразводномъ процессѣ вопросъ о *встрѣчномъ обвиненіи и встрѣчномъ искѣ*. Спрашивается, въ какой стадіи бракоразводнаго процесса отвѣтчикъ или отвѣтчица въ правѣ и должны, буде желаютъ и имѣютъ къ тому данныя, предъявлять къ ищущему развода встрѣчное обвиненіе, слѣдуетъ ли признавать за ними это право на все время производства дѣла или необходимо приурочить его къ извѣстному, опредѣленному моменту процесса, по истеченіи котораго и самое это право должно почитаться утраченнымъ? Разсматривая встрѣчное обвиненіе независимо отъ встрѣчнаго иска, такъ какъ между этими понятіями есть существенное различіе, на которое будетъ указано ниже, мы на основаніи самого же устава духовныхъ консисторій и постановленій, начертанныхъ въ законѣ гражданскаго судопроизводства, придемъ къ несомнѣнному заключенію, что право на предъявленіе встрѣчнаго обвиненія или иска обуслов-

лено известнымъ срокомъ; въ бракоразводномъ процессѣ оно должно почитаться утраченнымъ вслѣдъ за совершеніемъ той стадіи этого процесса, которая именуется судоговореніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое встрѣчное обвиненіе въ дѣлахъ о расторженіи брака по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ? Подъ этимъ понятіемъ мы разумѣемъ не что иное, какъ косвенную защиту обвиняемаго, направленную отчасти къ оправданію своихъ поступковъ противъ чистоты брачнаго союза, а главное къ тому, чтобы этимъ путемъ отстоять нерасторжимость брака, такъ какъ, если бы ищущій развода и доказалъ виновность обвиняемаго, то тѣмъ не менѣе, въ силу 45 ст. 1 п., Т. X, ч. 1, бракъ не подлежитъ расторженію, разъ виновная сторона изобличитъ и самого ищущаго развода въ нарушеніи супружеской вѣрности. При такомъ взглядѣ на встрѣчное обвиненіе, вопросъ о срокѣ его предъявленія разрѣшается и самимъ уставомъ духовныхъ консисторій: оно должно быть заявлено никакъ не позже судоговоренія, на которомъ, какъ гласитъ 247 ст. этого устава, «отвѣтчикъ допрашивается противу обвиненій, изложенныхъ въ исковомъ прошеніи и изъясняетъ свои оправданія», слѣдовательно имѣетъ полную возможность представить всестороннюю защиту своихъ интересовъ. Съ окончаніемъ судоговоренія должно утрачи-

ваться и право обвиняемого на предъявление встречного обвинения, такъ какъ далѣе дѣятельность сторонъ прекращается, наступаетъ новая стадія бракоразводнаго процесса, всецѣло принадлежащая суду, приступающему засимъ «къ изслѣдованію представленныхъ на судоговореніи обвиненія, доводовъ и оправданій» (ст. 249 уст. дух. конс.). Тоже самое должно сказать и относительно встречнаго иска, отличающагося отъ встречнаго обвиненія лишь тѣмъ, что онъ, въ случаѣ его доказанности, представляетъ для его предъявителя, обвиняемого другою стороною въ прелюбодѣяннѣ, не только косвенную защиту, но и право на расторженіе брака, буде конечно возбужденное противъ него самого обвиненіе окажется недоказаннымъ. Если о срокѣ предъявленія встречнаго иска нѣтъ никакихъ опредѣленій въ уставѣ духовныхъ консисторій, въ которомъ нѣтъ вѣдь и указаній на самую возможность существованія встречнаго иска, то, очевидно, духовный судъ, принимая этотъ институтъ изъ гражданскаго права, обязанъ при его отправленіи руководствоваться правилами, имѣющимися на сей предметъ въ судопроизводствѣ гражданскомъ. Вотъ что гласитъ гражданскій законъ относительно срока предъявленія встречнаго иска: «отвѣтчикъ имѣетъ право заявить встречный искъ не позже, какъ въ первой отвѣтной бумагѣ,

а если таковая не была подана, то въ первомъ за-
сѣданіи по дѣлу» (ст. 340, Т. XVI, ч. 1, уст. гражд.
суд., изд. 1892 г.). Примѣняя это правило къ дѣ-
ламъ бракоразводнымъ, мы въ правѣ придти лишь
къ тому заключенію, что встрѣчный искъ о пре-
любодѣяніи можетъ быть предъявленъ «по полу-
ченіи отвѣтствующимъ лицомъ засвидѣтельствован-
ной копіи съ исковаго прошенія» (ст. 245 уст.
дух. конс.) и во всякомъ случаѣ не позже судо-
говоренія, какъ послѣдняго акта въ дѣятельности
сторонъ на судѣ духовномъ по дѣламъ бракораз-
воднымъ. Такова теорія встрѣчнаго иска (или об-
виненія). Но если говорятъ, что теорія иногда
расходится съ практикою, то въ данномъ случаѣ
это замѣчаніе оправдывается какъ нельзя болѣе.
Духовный судъ въ дѣлахъ о расторженіи брака
по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ не пола-
гаетъ никакого опредѣленнаго срока для предъяв-
ленія встрѣчнаго иска, предоставляя это на доб-
рую волю и усмотрѣніе отвѣтной стороны, которая
можетъ заявить встрѣчный искъ или обвиненіе не
только въ какой угодно стадіи бракоразводнаго
процесса въ низшей инстанціи духовнаго суда, но
даже и тогда, когда рѣшеніе сей послѣдней по
дѣлу поступить на утвержденіе, санкцію инстанціи
высшей. Гдѣ искать оправданія подобной прак-
тикѣ, не вносящей въ дѣло того порядка, той

опредѣленности и ясности, которыя должны составлять неотъемлемое свойство всякаго юридическаго дѣйствія? Можетъ быть духовный судъ, не полагая срока для предъявленія встрѣчнаго иска или обвиненія, тѣмъ самымъ имѣетъ въ виду предоставить обвиняемому всѣ средства къ его оправданію, къ защитѣ его интересовъ или видить въ этомъ большую возможность доискаться истины, придти къ правильному рѣшенію по дѣлу? Но развѣ установленіе точнаго срока для предъявленія встрѣчнаго иска отнимаетъ у обвиняемаго возможность его защиты, посягаетъ сколько-нибудь на его права? Отнюдь нѣтъ: оно указываетъ ему лишь свое мѣсто, пресѣкаетъ обвиняемому возможность злоупотреблять этимъ правомъ, въ несомнѣнный ущербъ интересамъ другой стороны. Если отъ ищущаго развода требуется, по истинному смыслу судоговоренія, представленіе доказательствъ его иска никакъ не позже судоговоренія, то почему-же обвиняемый можетъ представлять доводы къ своему оправданію когда ему угодно? Развѣ предъ лицомъ суда обѣ стороны не равны, развѣ соблюденіе этого принципіальнаго положенія закона не есть нарушеніе правосудія? Не къ правдѣ, не къ уясненію истиннаго положенія дѣла ведетъ такая широта правомочій обвиняемаго, а скорѣе къ ея затемнѣнію, къ попущенію для обвиняемаго избѣг-

нуть грозящаго ему возмездія, а для обвинителя къ затрудненію въ осуществленіи его правъ, дарованныхъ ему самимъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, если обвиняемый въ дѣйствительности правъ, то развѣ онъ не выступитъ на защиту себя тотчасъ же какъ затронули его честь? Буде же онъ не правъ и не имѣетъ потому прямыхъ средствъ къ своей защитѣ, онъ невольно и пользуется тѣми лазейками, которыя почему-то оставляетъ для него указанная практика духовнаго суда: сначала отмалчивается, уклоняется отъ явки къ суду, а когда эти средства исчерпаны и когда дѣло пришло уже къ его концу, выступаетъ съ встрѣчнымъ искомъ или обвиненіемъ, большею частію вполнѣ неосновательными, и наполовину добивается своего: дѣло почти или совсѣмъ законченное возвращается къ дослѣдованію, начинается сначала, какъ будто прошлаго для него и не существовало. Вотъ почему въ интересахъ правосудія и самого суда, какъ органа его отправленія, необходимо внести въ уставъ духовныхъ консисторій точныя опредѣленія относительно встрѣчнаго иска и обвиненія, срока и условій ихъ предъявленія.

2) *Слѣдственная часть* по дѣламъ брачнымъ и въ частности по дѣламъ о расторженіи браковъ по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ не рѣдко приводится среди другихъ основаній для передачи

брачныхъ дѣлъ въ судѣ свѣтскій; говорятъ, что въ духовномъ судѣ слѣдствіе по этимъ дѣламъ производится не обстоятельно, что духовный судъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи, для правильнаго и скорого производства слѣдствія, тѣхъ средствъ, которыми располагають преобразованные суды свѣтскіе. Такъ ли это? Сущность слѣдственнаго производства по этимъ дѣламъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ допросѣ указанныхъ сторонами свидѣтелей, въ провѣркѣ представленныхъ къ дѣлу документовъ (метрическихъ актовъ, писемъ и др.), и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ осмотрѣ мѣста, той обстановки, при которой было совершено преступленіе. Всю эту операцію производитъ духовный судъ при участіи и содѣйствіи полиціи: свидѣтели допрашиваются или въ присутствіи консисторіи (ст. 251 уст. дух. конс.), при гражданскомъ депутатѣ, или полиціею, при депутатѣ съ духовной стороны, по заранѣе составленнымъ консисторіею вопроснымъ пунктамъ; осмотръ мѣста, гдѣ было совершено преступленіе, или повальный обыскъ, если таковые понадобятся, учиняются также полиціею при участіи представителя отъ духовнаго суда.

Въ чемъ-же состоитъ несовершенство слѣдственнаго производства по дѣламъ бракоразводнымъ въ судѣ духовномъ, чтобы видѣть въ этомъ несо-

вершенствѣ основаніе для передачи этихъ дѣлъ въ вѣдѣніе суда свѣтскаго? Правда, въ свѣтскомъ судѣ слѣдственное производство находится въ рукахъ особаго контингента лицъ, посвятившихъ себя исключительно этого рода дѣятельности, слѣдовательно людей опытныхъ, искусившихся въ своей роли, но изъ одного того, что слѣдственное производство въ свѣтскомъ судѣ поставлено хорошо, нельзя еще заключать, что оно плохо въ судѣ духовномъ; для подобнаго заключенія необходимы положительныя данныя, а ихъ-то и не имѣется. Нынѣшняя организація слѣдственнаго производства по дѣламъ бракоразводнымъ вполне удовлетворяетъ своему назначенію: она даетъ всѣ средства къ тому, чтобы совершенное преступленіе было обстоятельно разъяснено и обслѣдовано, а потому и не представляется необходимости прибѣгать къ новой. Если въ слѣдственной части по дѣламъ бракоразводнымъ видятъ одну изъ причинъ длительности этихъ процессовъ, то въ данномъ случаѣ допускаютъ погрѣшность: не въ организаціи слѣдствій, не въ лицахъ, выполняющихъ слѣдственныя дѣйствія, коренится эта причина, а въ отношеніи къ нимъ отвѣтной стороны и свидѣтелей, уклоняющихся отъ явки къ суду, и вотъ противъ этого-то недуга суду духовному слѣдуетъ принять мѣры, хотя-бы и тѣ, которыя практикуются нынѣ въ судѣ свѣтскомъ. А дѣйстви-

тельно давнымъ-давно пора положить конецъ этимъ увилываньямъ отъ суда разныхъ расплотившихся въ наше разнузданное время прелюбодѣвъ, прелюбодѣкъ, «друзей дома» etc.; уже одно сознание невозможности укрыться отъ суда, остаться безнаказаннымъ нарушителемъ чужаго семейнаго спокойствія и счастья сократитъ ихъ плеяду.

Если въ чемъ и можно видѣть существенный недостатокъ бракоразводнаго процесса, вызывающій справедливыя сѣтованія на духовный судъ, такъ это въ господствѣ въ этомъ судѣ, по дѣламъ о расторженіи браковъ, по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ, *теоріи формальныхъ доказательствъ*, давнымъ-давно осужденной и наукою, и новѣйшими законодательствами, признавшими полную ея несостоятельность. По уставу духовн. конс. (ст. 249) доказательства нарушенія супружеской вѣрности подраздѣляются на два вида: на главныя и второстепенныя или «прочія»; главными доказательствами преступленія прелюбодѣянія признаются: показанія двухъ или трехъ очевидныхъ свидѣтелей и прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи съ постороннимъ лицомъ; всѣ «прочія» доказательства, какъ-то: письма, обнаруживающія преступную связь отвѣтчика, показанія достовѣрныхъ, но не бывшихъ очевидцами прелю-

бодѣнія, свидѣтелей и т. п., считаются доказательствами второстепенными. Сущность этого подраздѣленія заключается въ томъ, что наличность одного изъ доказательствъ перваго вида вполне достаточна для признанія преступленія прелюбодѣнія доказаннымъ, доказательства-же втораго вида «тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ или-же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе». Очевидно, уставъ духовн. конс. воспроизвелъ ту-же теорію доказательствъ, какая была принята въ судебныхъ мѣстахъ прежняго устройства. Тамъ (св. зак. 1857 г., т. XV, ст. 304) всѣ доказательства дѣлились также на два вида: на совершенныя и несовершенныя и такъ же, какъ уст. дух. конс., сводъ закон. 1857 года признавалъ одно совершенное доказательство достаточнымъ для признанія осужденія несомнительнымъ, несовершенныя-же доказательства тогда лишь могли служить основаніемъ къ обвиненію, когда они въ совокупности исключали возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго (св. зак. 1857 г., т. XV, ст. 306 и 308). Наличность изложенной теоріи формальныхъ доказательствъ ставитъ духовный судъ въ пассивное положеніе, стѣсняетъ его свободу въ обсужденіи и оцѣнкѣ представленныхъ сторонами данныхъ pro и contra возникшей между ними тяжбы. Въ

самомъ дѣлѣ, по этой теоріи, если два или три свидѣтеля подѣ присягою заявятъ, что они были очевидцами прелюбодѣянія какого-либо супруга, то судъ не имѣетъ права не принять ихъ показанія за несомнѣнное, совершенное—доказательство, не отдать этимъ показаніямъ предпочтенія предѣ другими доказательствами, хотя и второстепенными, но, можетъ быть, болѣе убѣждающими и скорѣе приводящими къ истинѣ. А разѣ желательный исходъ бракоразводнаго процесса для невинной стороны скорѣе обезпеченъ при наличности въ дѣлѣ двухъ свидѣтелей-очевидцевъ прелюбодѣянія отвѣтной стороны, то естественно, что ищущій расторженія брака первѣе всего и прибѣгаетъ къ этому средству, во что бы то ни стало старается подыскать этихъ двухъ желанныхъ свидѣтелей. Но мыслимо-ли допустить дѣйствительное существованіе свидѣтелей-очевидцевъ прелюбодѣянія какого-либо супруга, разѣ подобный актъ поддается наблюденію, разѣ онъ совершается открыто, на глазахъ другихъ? Вѣдь это значило-бы заглушить въ себѣ послѣднюю искру совѣсти и стыда, обратиться въ безсловесное животное, дойти до полного забвенія своего «я». Нѣтъ, этотъ грѣхъ совершается втайнѣ, онъ не поддается наблюденію, обставляется такъ, чтобы это тайное не сдѣлалось явнымъ. И у крайняго развратника, и у падшей женщины, отдавшей этому

грѣху, какъ профессіи, не настолько заглушается чувство совѣсти, чувство стыдливости, чтобы совершить этотъ грѣхъ открыто, на показъ другимъ. Конечно, при нѣкоторой оплошности, неосмотрительности лицъ, отдавшихся этому грѣху, возможно сдѣлаться свидѣтелемъ ихъ преступленія, но на эти случаи нужно смотрѣть какъ на весьма рѣдкое исключеніе, а между тѣмъ нынѣ во множествѣ бракоразводныхъ дѣлъ, заканчивающихся расторженіемъ брака, фигурируютъ свидѣтели-очевидцы и при томъ самая обстановка, при которой совершается преступленіе, такъ однообразна, такъ шаблонна, что невольно наводитъ на сомнѣніе въ дѣйствительности того, о чемъ повѣствуютъ эти свидѣтели-очевидцы. Это какой-то обстановочный водевиль, съ заранѣе распределенными, хорошо разученными ролями. Дѣйствіе происходитъ обыкновенно въ какой-либо гостинницѣ, куда супругъ или супруга является какъ-бы съ специальною цѣлію совершить прелюбодѣяніе и притомъ такъ, чтобы его видѣли другіе, и вотъ на сцену выступаютъ два и именно два какихъ-либо пріятеля и третья, обыкновенно «неизвѣстная», особа; сначала между собравшимися происходитъ оживленная бесѣда съ возліяніями, а затѣмъ будущіе свидѣтели выходятъ зачѣмъ-либо изъ номера или даже въ другую комнату того-же номера и возвращаются сюда (уди-

вительное чутье) какъ разъ въ то время, когда оставшіеся въ немъ совершаютъ прелюбодѣяніе. Дѣло сдѣлано, свидѣтели передаютъ о видѣнной ими пошлой, гнусной картинѣ другому супругу и тотъ начинаетъ процессъ о расторженіи брака. Совершается-ли все описанное нами въ дѣйствительности (что однако трудно допустить) или это одна фикція, наглая ложь, но во всякомъ случаѣ и то, и другое возможно главнымъ образомъ тогда, когда супруги придутъ между собою къ соглашенію о разводѣ, войдутъ въ сдѣлку съ свидѣтелями, и вотъ тогда одинъ изъ супруговъ, и можетъ быть такой, который никогда не нарушалъ супружеской вѣрности, но взявшій вину на себя, потерявъ терпѣніе отъ распутства своей жены или мужа, совершаетъ въ дѣйствительности или только разыгрываетъ эту комедію при надлежащей для того свидѣтельской обстановкѣ. Въ подобныхъ процессахъ гдѣ между супругами состоялось предварительно, соглашеніе о разводѣ, гдѣ они вступили въ сдѣлку съ свидѣтелями, дѣло идетъ спокойно, быстро и свидѣтели остаются безнаказанными въ случаѣ, если они подъ присягою утверждали и такія обстоятельства, свидѣтелями которыхъ никогда не были. Но и въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ указаннаго соглашенія между супругами, для доказательства прелюбодѣянія, большею частію выставляются свидѣ-

тели-очевидцы, а вѣроятность, что они показываютъ подъ присягою то, чего не знаютъ, чего не видѣли и не могли видѣть, остается таже. И по такимъ дѣламъ духовный судъ, руководствуясь все тою-же теоріею формальныхъ доказательствъ, вынужденъ постановлять рѣшенія о расторженіи брака, предоставляя обвиняемому считаться съ свидѣтелями въ судѣ уголовномъ. И что-же? Уголовная лѣтопись послѣднихъ лѣтъ насчитываетъ не одинъ десятокъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь, по обвиненію въ лжесвидѣтельствѣ по такимъ дѣламъ, по которымъ въ духовномъ судѣ, на основаніи лживаго показанія этихъ лицъ подъ присягою, послѣдовали рѣшенія о расторженіи браковъ.

Вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ господство нынѣ дѣйствующей въ духовномъ судѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, неуклонное требованіе, для доказательства виновности лица въ нарушеніи супружеской вѣрности, показаній свидѣтелей-очевидцевъ: теорія эта вынуждаетъ лицъ, ищущихъ развода, прибѣгать для достиженія ихъ цѣли къ недозволеннымъ, грубымъ средствамъ, вступать въ постыдную сдѣлку съ своею совѣстью, порождаетъ лжесвидѣтельство, которое клеймитъ позоромъ и лицъ, неповинныхъ грѣху прелюбодѣянія, между тѣмъ дѣйствительно винов-

ные зачастую признаются неизобличенными только потому, что не были застигнуты на мѣстѣ преступленія. Въ виду этого отмѣна теоріи формальныхъ доказательствъ является положительною необходимостью: судъ духовный, судъ церкви долженъ быть по преимуществу судомъ совѣсти, а не формы; не формально лишь обставленные (на дѣлѣ можетъ быть не существующія), а нравственно-убѣдительныя данныя должны лежать въ основѣ рѣшеній духовнаго суда по дѣламъ о расторженіи браковъ по прелюбодѣянiю одного изъ супруговъ.

На ряду съ указанными уже недостатками въ современной постановкѣ бракоразводнаго процесса есть и еще одинъ, а именно—неустановленіе срока для обжалованія рѣшеній духовныхъ консисторій объ отказѣ въ разводѣ; послѣдствіемъ сего, несомнѣнно весьма обременительнымъ какъ для самого суда, такъ и для обвиняемой стороны, является то, что дѣло однажды законченное не рѣдко всплываетъ вновь не по живымъ слѣдамъ, а по истеченіи болѣе чѣмъ продолжительнаго времени.

Разсмотрѣвъ послѣдовательно весь ходъ судопроизводства по дѣламъ о разводѣ за прелюбодѣянiемъ одного изъ супруговъ, отмѣтимъ, въ заключеніе, одно чрезвычайно важное и характерное явленіе въ дѣлахъ этого рода. Въ рѣдкихъ случаяхъ бракоразводный процессъ ведется самими

5) супругами, въ большинствѣ же вмѣсто нихъ, обычно заболѣвающихъ при самомъ началѣ процесса, дѣйствуютъ ихъ повѣренныя, такъ называемыя спеціальныя ходатаи по бракоразводнымъ дѣламъ. Участие послѣднихъ въ бракоразводномъ процессѣ, по нашему мнѣнію, не малое зло какъ для суда, лишеннаго такимъ образомъ возможности узнать истину обслѣдуемаго имъ возникшаго между супругами инцидента изъ первоисточника, отъ нихъ самихъ, такъ и для сторонъ, добивающихся своего права собственно не отъ суда, а отъ ихъ ходатаевъ. Отсюда тягучесть бракоразводнаго процесса, излишнія хлопоты и мытарства для самихъ тяжущихся: каждому изъ нихъ приходится имѣть дѣло собственно не съ судомъ, требованія коего во всякомъ случаѣ положительны и опредѣленны, а съ ходатаемъ и сообразоваться съ его требованіями и указаніями, подчасъ ничего общаго съ судомъ не имѣющими. Не здѣсь-ли, наконецъ, источникъ столь распространенныхъ въ обществѣ и нерѣдко попадающихъ въ печать (см. напр. № 40 «Судебной Газеты» за 1895 г.) нареканій на судъ духовный, сѣтованій на то, что бракоразводное дѣло стоитъ большихъ денегъ, что безъ затраты сотенъ и даже тысячъ рублей нельзя получить развода. А въдь на самомъ-то дѣлѣ бракоразводный процессъ стоитъ не тысячи и не сотни, а всего лишь нѣсколько

рублей, потребныхъ на оплату бумагъ гербовымъ сборомъ и исковыми пошлинами. Весь расходъ по бракоразводному дѣлу можно высчитать съ математическою точностію и онъ будетъ не выше какихъ-либо пяти, десяти рублей. Куда-же идутъ эти сотни и тысячи рублей? Никуда въ другое мѣсто, какъ на удовлетвореніе ходатаевъ по дѣламъ брачнымъ: мы знаемъ не одно дѣло, за веденіе коего кліенты уплачивали десятки тысячъ своимъ повѣреннымъ, тогда какъ ведя дѣло сами, имѣя непосредственныя отношенія къ суду, во-очію убѣдились-бы, что правое, чистое дѣло не нуждается ни въ какихъ затратахъ, ни въ какихъ ходатаяхъ, оно само говоритъ за себя и безъ чужаго и небезкорыстнаго вмѣшательства скорѣе и легче получить должное удовлетвореніе. По нашему крайнему разумѣнію, духовный судъ, въ огражденіе самого себя, во имя твердости и охраненія брачнаго союза отъ посягательствъ на его разрушеніе путемъ слишкомъ вошедшихъ въ наше время въ моду разводовъ, въ интересахъ наконецъ—и нравственныхъ и матеріальныхъ—самихъ бракоразводящихся супруговъ, долженъ поставить бракоразводный процессъ такъ, чтобы имѣть непосредственно дѣло съ самими супругами, а не съ лицами ихъ замѣняющими.

III. Безвѣстное отсутствіе.

Безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ признавалось и нынѣ признается церковными и гражданскими узаконеніями за вполне основательную и законную причину къ расторженію брака въ виду того соображенія, что оно производитъ на бракъ такое-же разрушающее дѣйствіе, какъ и естественный конецъ всякаго бытія—смерть: какъ со смертью одного изъ супруговъ бракъ ихъ прекращается самъ собою, такъ и при безвѣстной отлучкѣ одного изъ нихъ бракъ перестаетъ существовать *de facto* и одинъ супругъ какъ-бы умираетъ для другаго. Такой взглядъ на безвѣстное отсутствіе, т. е. какъ на смерть, находитъ себѣ оправданіе и въ каноническихъ постановленіяхъ: наприм., у Св. Васил. Велик. (пр. 31 и 36) и въ Кормч. книгѣ (ч. II гл. 48, зак. градск.), изъ коихъ послѣдней разрѣшается расторженіе брака за пятилѣтнюю безвѣстную отлучкою одного изъ супруговъ и дозволеніе оставленному лицу вступить въ новое супружество. Наши законы о разводѣ по безвѣстному отсутствію впервые были формулированы съ надлежащею полнотою и обстоятельностью въ указѣ Св. Синода отъ 25 Сентября 1810 года (Полн. Собр. Закон. № 24360); здѣсь-же опредѣленъ и общій однообразный и по-

дробный порядокъ самаго производства дѣлъ о разводѣ по названной причинѣ. Впослѣдствіи правила этого указа, со всѣми разновременно послѣдовавшими въ нихъ измѣненіями и дополненіями, вошли и въ Сводъ Законовъ и въ Уставы Духовныхъ Консисторій 1841—1883 гг. Наконецъ, въ наше уже время, 14 Января 1895 года, состоялось Высочайшее повелѣніе (въ Собр. Узак. за 1895 годъ № 471) о новыхъ правилахъ расторженія браковъ по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ. Правила эти, еще не вошедшія ни въ Сводъ Законовъ, ни въ Уставъ Духовныхъ Консисторій, явились полною замѣною всѣхъ прежнихъ законовъ о разводѣ по безвѣстному отсутствію, за которыми осталось теперь лишь одно историческое значеніе. По новому закону безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ приѣмается за основаніе къ разводу въ томъ лишь случаѣ, если оно продолжается не менѣе пяти лѣтъ (Высоч. пов. 14 Января 1895 г. п. 1) и если достоверность его и указанная продолжительность будутъ надлежаще доказаны установленнымъ въ законѣ способомъ (*ibid.* пп. 3—8). Въ прежнемъ законѣ было еще одно условіе, а именно: отсутствіе со стороны ищущаго развода супруга какихъ-либо поводовъ къ оставленію его безвѣстнотлучившимся (Уст. Дух. Конс. ст. 233).

Непосредственнымъ *послѣдствіемъ* расторгенія брака по безвѣстному отсутствію — для невиннаго супруга служить дозволеніе на вступленіе въ новое супружество (Высоч. пов. 14 Января 1895 г. п. 11); виновный супругъ по прежнему закону (Уст. Дух. Конс. ст. 236) осуждался на всегдашнее безбрачіе, по новому-же закону (*ibid.* п. 12) судъ, не полагая о безвѣстномъ отсутствующемъ никакого рѣшенія, оставляетъ сужденіе о его винѣ до его явки или обнаруженія мѣстопробыванія. Изъ приведеннаго положенія новаго закона, такимъ образомъ, явствуетъ, что право безвѣстнотсутствующаго супруга на вступленіе въ новый бракъ, въ случаѣ его явки, поставлено въ прямую зависимость отъ того, докажетъ-ли онъ или нѣтъ свою невинность въ его безвѣстной отлучкѣ. Что касается до другихъ послѣдствій развода по названной причинѣ, то прежде всего личныя права и отношенія между супругами, за безвѣстною отлучкою одного изъ нихъ, уже сами собою прекратились и разводъ лишь какъ-бы санкціонируетъ ихъ. Вопросъ объ имуществѣ послѣ безвѣстнотсутствующаго супруга можетъ быть разрѣшенъ еще и до развода его съ оставленнымъ имъ супругомъ, въ порядкѣ указанномъ въ ст. 1451—1460 Уст. Гражд. Судопр. и ст. 1224 Закон. Гражд. Послѣ-же расторгенія брака имуществен-

ныя—наслѣдственныя права между супругами, а также наслѣдственныя въ отношеніи къ ихъ имуществу права ихъ дѣтей и наконецъ родственная—свойственная связь, образовавшаяся чрезъ этотъ бракъ, хотя-бы впослѣдствіи и расторгнутый, будутъ таковыя-же, какъ и при расторженіи брака за прелюбодѣяніемъ одного изъ супруговъ (см. выше). Фактическое попеченіе, содержаніе и воспитаніе дѣтей такихъ разведенныхъ супруговъ естественно лежитъ по необходимости на обязанности невиноваго—оставленнаго супруга.

По вопросу о *возстановленіи брака*, расторгнутаго по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, въ случаѣ, конечно, явки безвѣстноотсутствующаго супруга и если оставленный имъ супругъ еще не вступилъ въ новый бракъ, ни въ Уставѣ Дух. Конс., ни въ новомъ законѣ (Высоч. пов. 14 Января 1895 г.) никакихъ указаній нѣтъ, но тѣмъ не менѣе на этотъ вопросъ, кажется, можно отвѣтить утвердительно, во-первыхъ, потому что въ практикѣ духовнаго суда были случаи такого возстановленія (см., напр., проток. Св. Синода 29 Марта 1853 г. № 220), обоснованнаго на 93 пр. VI Всел. Соб., разрѣшавшемъ безвѣстноотсутствовавшему лицу по его явкѣ взять къ себѣ свою прежнюю жену даже и въ томъ случаѣ, если она, предполагая о его смерти, вышла за другаго; во-

вторыхъ, на это даетъ намъ нѣкоторое право и новый законъ (п. 12), въ коемъ говорится, что сужденіе о винѣ безвѣстноотсутствующаго супруга судъ оставляетъ до его явки: значить, если явившійся супругъ докажетъ свою невинность, то, казалось-бы, онъ можетъ быть восстановленъ въ своихъ правахъ на расторгнутый бракъ.

Судопроизводство по дѣламъ о разводѣ, за безвѣстнымъ отсутствіемъ одного изъ супруговъ, установленное новымъ закономъ, отличаясь своею простотою, все направлено, какъ и должно быть, къ тому, чтобы дать духовному суду средство къ твердому убѣжденію въ дѣйствительности безвѣстнаго не менѣе пяти лѣтъ отсутствія даннаго супруга. Средства эти двоякаго рода: во-первыхъ, тѣ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, которыя обязуется представить въ своемъ искомомъ прошеніи ищущій развода, какъ о себѣ самомъ и объ отлучившемся супругѣ, такъ и о тѣхъ путяхъ, по которымъ можетъ быть произведено разслѣдованіе о мѣстѣ пребыванія безвѣстноотлучившагося (о семъ подробнѣе см. п. 3. Высоч. пов. 14 Января 1895 года) и, во-вторыхъ, объявленіе или публикація, о розыскѣ безвѣстноотсутствующаго, въ издаваемыхъ отъ Св. Синода и рассылаемыхъ во всѣ приходы Церковныхъ Вѣдомостяхъ (*ibid.* п. 8). Ясно, что степень убѣжденности суда въ дѣйствительности

безвѣснаго отсутствія даннаго лица зависитъ всецѣло отъ качества указанныхъ средствъ. Каковы же они? Первыя изъ нихъ представляются суду, какъ мы уже сказали, самимъ истцомъ; но если законъ и обязываетъ истца обстоятельными отвѣтами на всѣ поставленные въ формѣ (прил. къ п. 8 Высоч. пов. 14 Янв. 1895 г.) исковаго прошенія вопросы, дающими суду нить къ розыску безвѣстнootсутствующаго, то вмѣстѣ съ симъ тотъ-же законъ добавляетъ, что «если чего по невѣдѣнью проситель означить не можетъ, о томъ должно быть объяснено въ прошеніи» (ibid. п. 3); несомнѣнно, подобная оговорка ослабляетъ дѣйствіе предъявляемаго къ истцу упомянутаго требованія: пользуясь этою оговоркою закона истецъ можетъ на многіе вопросы исковаго прошенія или отозваться невѣдѣніемъ или дать вообще отрицательные, неопредѣленные отвѣты и тѣмъ самымъ слѣдовательно и количественно, и качественно ослабить возможность суда раскрыть истину: вѣдь судъ производитъ изслѣдованіе о безвѣстной отлучкѣ даннаго супруга почти исключительно по тѣмъ даннымъ, которыя заключаются въ исковомъ прошеніи истца. Посему, намъ думается, было-бы не погрѣшительно изъять упомянутую оговорку и, въ случаѣ невыполненія истцомъ установленной закономъ формы исковаго прошенія, не давать даль-

нѣйшаго хода его ходатайству о разводѣ. Далѣе, новый законъ гласить, что Консistoriя, приступая къ производству по исковому прошенію, разсылаетъ повѣстки о начатомъ дѣлѣ всѣмъ указаннымъ въ прошеніи лицамъ, которыя и обязуются доставить въ Консistoriю отзывы о томъ, что имъ извѣстно объ отлучкѣ супруга и его дальнѣйшей судьбѣ (ibid. п. 6). Въ этомъ постановленіи, наоборотъ, чувствуется нѣкоторая неполнота, какъ напр: въ какой срокъ запрашиваемыя лица должны доставить отзывъ, подлежатъ-ли они какой-либо отвѣтственности за уклоненіе или отказъ исполнить требованіе Консistoriи, какъ, наконецъ, должна въ такомъ случаѣ поступать Консistoriя; приступать-ли къ дальнѣйшему производству дѣла, не выжидая поступленія отзывовъ или принимать тѣ или иныя мѣры, и какія именно, побужденія запрошенныхъ лицъ дать по дѣлу свой отзывъ. Что касается публикаціи въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, какъ средства розыска безвѣстнотствующаго, то таковая замѣнила собою прежній порядокъ опубликованія о розыскѣ, по всѣмъ губерніямъ, областямъ и градоначальствамъ, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Какая изъ этихъ двухъ мѣръ надежнѣе и ближе ведетъ къ цѣли, пока сказать трудно, это покажетъ будущее. Сравнивая въ общемъ старый и новый порядокъ производства дѣлъ о

разводѣ по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, нельзя не сказать, что новый порядокъ гораздо проще прежняго и несомнѣнно устранить присущую прежнему порядку ту изумительную волокиту, которая обрекала эти дѣла на долгія и чуть не безконечныя мытарства.

IV. Ссылка въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ.

Ссылка, какъ причина прекращенія брака, по нашимъ законамъ получила свое бытіе со времени Петра Великаго; въ до-петровскій-же періодъ за нею не было признано дѣйствія разрушающаго брачныя узы и супруги, какому-бы тяжкому наказанію и ссылкѣ одинъ изъ нихъ ни подвергался, не разлучались и бракъ ихъ оставался въ силѣ. Петръ Великій впервые, указомъ отъ 16 Августа 1720 г. (Полн. Собр. Зак. № 3628), постановилъ, что ссылка на «урочные годы» не прекращаетъ брака, «а которые сосланы на вѣчную каторжную работу, тѣхъ женамъ, которыя похотятъ выйти замужъ, въ томъ дать имъ свободу, понеже мужья ихъ отлучены вѣчно, подобно якобы умре». При Елисаветѣ Петровнѣ ссылка получаетъ уже значеніе причины къ расторженію брака: въ указахъ отъ 29 Марта и 25 Мая 1753 года (Полн. Собр. Зак. № 10086 и 10101) по этому поводу сказано,

что «женамъ осужденныхъ въ вѣчную работу или ссылку или въ заточеніе давать свободу кто изъ нихъ похочетъ жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ; буде-же изъ таковыхъ женъ пожелаютъ которыя идти замужъ, таковымъ съ позволенія Синода (а по указу Синода 1767 года Юля 6, въ П. С. З. № 12934, съ разрѣшенія архіереевъ) давать свободу; такъ что, тогда какъ при Петрѣ Великомъ со ссылкой бракъ прекращался самъ собою, какъ и со смертью, теперь отъ воли самихъ супруговъ зависѣло, оставаться-ли въ бракѣ или искать его уничтоженія; и потому, пока невиновный супругъ не просилъ духовное начальство объ уничтоженіи брака съ лицомъ осужденнымъ въ ссылку, бракъ оставался *de jure* въ силѣ, хотя и не *de facto*, ибо ни мужъ, ни жена не обязаны были слѣдовать за осужденнымъ въ мѣсто его ссылки, а если послѣдовали, то бракъ оставался въ силѣ не только *de jure*, но и *de facto*. Впослѣдствіи, при Александрѣ Первомъ, приведенныя узаконенія о разводѣ за ссылкой были пополнены новыми постановленіями, а именно: указомъ Св. Синода отъ 28 Апрѣля 1804 года (П. С. З. № 21276), по сношенію съ Сенатомъ, было разъяснено, что и при ссылкѣ на поселеніе, какъ «всегдашней», а не временной, невиновнымъ супругамъ, не послѣдовавшимъ за осужденными, дозволяется, по ихъ просьбѣ, всту-

пять въ новые браки. Далѣе, именнымъ Высоч. указомъ, отъ 16 Августа 1807 года (П. С. Зак. № 22591), было повелѣно оставлять неразлучными браки такихъ ссыльныхъ, кои по Монаршему милосердію возвращены будутъ, если во время ихъ ссылки отъ оставшихся на мѣстѣ просьбъ о вступленіи въ новый бракъ не поступало, т. е. бракъ, не прекратившійся за время ссылки *de jure*, съ возвращеніемъ сосланнаго супруга, возстановлялся и *de facto*. Въ такомъ видѣ сложилось законодательство по вопросу о разводѣ за ссылкой одного изъ супруговъ ко времени перваго изданія у насъ Свода Законовъ (1832 г.). Въ послѣдующее время законы эти, вошедшіе и въ Сводъ Законовъ 1857 г. и отдѣльныя изданія частей Свода, а также въ оба—1841 и 1883 гг.—изданія Устава Духовныхъ Консисторій, хотя и подвергались нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, но сіи послѣднія казались главнымъ образомъ процессуальной, а не матеріальной стороны права; полный-же какъ въ томъ, такъ и другомъ отношеніи пересмотръ и преобразованіе въ прежнихъ законахъ о разводѣ за ссылкой произошли уже въ наше время, а именно въ 1892 году (Высоч. повел. 14 Декабря). На обзорѣннн этихъ-то законовъ, въ видахъ изученія вопроса о ссылкѣ, какъ причинѣ развода, мы теперь и остановимся, присоединивъ къ сему

краткій очеркъ о ссылкѣ вообще, о ея подраздѣленіяхъ и томъ вліяніи, какое имѣеть она въ области брачныхъ отношеній.

Въ нашемъ законодательствѣ, какъ въ прежнемъ, такъ и нынѣ дѣйствующемъ, различаются три рода ссылки, опредѣляемой судебными приговорами въ наказаніе за преступленіе и проступки: а) ссылка въ *каторжную* работу, въ рудники, на заводы, фабрики и другія работы въ Сибирь и на островъ Сахалинъ (Т. XIV, изд. 1890 г., Уст. о ссылкѣ, ст. 1 и 3); б) ссылка на *поселеніе* въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Сибири или въ Закавказье (*ibid.* ст. 1 и 7) и в) ссылка на *жизнь* въ сибирскія губерніи и отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи (*ibid.* ст. 1 и 8). Къ этимъ перечисленнымъ видамъ ссылки, какъ наказаніямъ: уголовнымъ, присоединяются еще: ссылка въ Сибирь на *водвореніе*, за бродяжество; сія ссылка есть наказаніе исправительное (*ibid.* ст. 9), и ссылка—*переселеніе* въ Сибирь въ порядкѣ административномъ, по приговору общества, принимаемая къ лицамъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословія, не принятымъ въ свои общества послѣ суда или наказанія (*ibid.* ст. 10). Всѣ эти виды ссылки имѣютъ между собою одну общую черту, заключающуюся въ томъ, что какой-бы изъ нихъ ни подвергалось виновное лицо, оно уже разъ навсегда исторгается изъ среды своего общества и

въ теченіе всей остальной своей жизни обречено жить въ мѣстѣ ссылки. Но при указанной общей чертѣ всѣхъ видовъ ссылки, они рѣзко различаются по степени ихъ давленія на права осужденныхъ. Первые два рода ссылки, т. е. ссылка въ каторжныя работы и на поселеніе, сопровождаются для виновнаго лица лишеніемъ воевсѣхъ правъ состоянія, а слѣдовательно и уничтоженіемъ его прежнихъ семейственныхъ правъ (Т. XV, Улож о Нак., изд. 1885 г., ст. 17). Третій видъ ссылки—ссылка на житье лишаетъ виновнаго только всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію его, присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и нисколько не касается его семейственныхъ и имущественныхъ правъ (*ibid.* ст. 30 и 46); точно также и остальные виды ссылки—ссылка на водвореніе и удаленіе въ Сибирь въ административномъ порядкѣ не влекутъ за собою уничтоженія семейственныхъ правъ осужденныхъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что по нашему законодательству слѣдованіе за осужденнымъ—для мужей, при всѣхъ родахъ ссылки и при переселеніи ихъ женъ, зависитъ исключительно отъ собственнаго на то ихъ желанія, точно также и для женъ, при ссылкѣ ихъ мужей въ каторжную работу, на поселеніе и житье или на водвореніе; жены-же лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, въ административномъ порядкѣ, обязаны слѣдовать

за мужьями, независимо отъ своего на то желанія, за исключеніемъ лишь слѣдующихъ случаевъ: когда переселяемый мужъ изъявить согласіе, чтобы жена его оставалась на прежнемъ мѣстѣ жительства; по тяжкой неизлѣчимой болѣзни жены и по жестокому съ нею обращенію мужа или по явно развратному его поведенію (Т. XIV, изд. 1890 года, Уст. о ссыльн., ст. 254, 255 и 257).

По отношенію къ браку изъ всѣхъ перечисленныхъ видовъ ссылки по прежнимъ законамъ (Уст. Дух. Конс., ст. 225 и Т. X, ч. I, ст. 45) только первые два—ссылка въ каторжную работу и на поселеніе могли служить основаніемъ къ разводу, если того пожелалъ-бы невинный супругъ, не послѣдовавшій за осужденнымъ въ мѣсто его ссылки. При всѣхъ же остальныхъ видахъ ссылки бракъ *de jure* оставался въ силѣ, хотя *de facto* его и не могло быть, ибо супруги, разлученные ссылкой одного изъ нихъ въ отдаленнѣйшіе края, силою самихъ вещей должны были разъ навсегда прекратить между собою брачное сожитіе и такимъ образомъ они въ дѣйствительности обрекались на всегдашнее безбрачіе, хотя предъ лицомъ закона и считались состоящими въ супружествѣ. Естественно, что такая постановка по прежнимъ законамъ вопроса о бракѣ ссыльных не могла не повести за собою весьма печальныхъ какъ въ нравственномъ, такъ и вообще въ

соціальному отношеніи послѣдствій не только для самихъ ссыльныхъ, но и для всего сибирскаго края, для тѣхъ отдаленныхъ окраинъ, гдѣ водворяется этотъ преступный элементъ общества. Разъ навсегда разлученные съ своими законными супругами и въ то-же время лишенные права вступать въ новое супружество въ мѣстѣ изгнанія, ссыльные невольно впадали въ развратъ, не имѣли возможности, при отсутствіи семьи, обзавестись хозяйствомъ, а это бездомовство, эта невозможность устройства домашняго и полеваго хозяйства развивали въ нихъ праздность, бродяжничество, отъ которыхъ недалеко уже и другіе пороки. Отсюда же побѣги и разбои ссыльныхъ для пріисканія себѣ куска хлѣба. «При такихъ условіяхъ, т. е. при безбрачій ссыльныхъ, по мнѣнію одного лица, близко знакомаго съ положеніемъ сибирскаго края, самая неустанная энергія администраціи къ водворенію порядка и улучшенію быта ссыльныхъ бессильна; сосланному оставалось или бѣжать, для болѣе или менѣе честныхъ заработковъ, или вступить въ незаконное сожительство съ ссыльною-же женщиною, находящеюся еще въ болѣе беспомощномъ положеніи, т. е. для спасенія жизни неизбежно сдѣлать рядъ безнравственныхъ поступковъ: незаконнорожденныя дѣти, постоянная невѣрность другъ другу соживающихся, частые разрывы

этихъ непрочныхъ союзовъ, споры кому что изъ нажитаго должно достаться при разрывѣ, при чемъ почти всегда одна изъ сторонъ бываетъ обижена и т. п.». Но если принять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число приписанныхъ ссыльныхъ почти равняется числу коренныхъ жителей, то этотъ огульный развратъ среди ссыльныхъ не могъ не распространиться и среди коренныхъ жителей Сибири и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если-бы въ недалекомъ будущемъ ссыльные мѣста въ Сибири обратились въ гнѣзда полнѣйшей безнравственности, стали-бы скопищемъ преступнаго, вреднаго элемента въ обществѣ. А съ другой стороны, развѣ въ лучшихъ условіяхъ была и участь невинныхъ супруговъ, не послѣдовавшихъ за виновными въ мѣста ихъ ссылки? То-же вѣчное безбрачіе, та-же невозможность на легальной почвѣ начать новую семейную жизнь заставляла и ихъ и притомъ совершенно безвинно претерпѣвать весьма важныя какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, неудобства и лишенія, впадать въ тотъ-же развратъ и другіе пороки. Принуждать-же ихъ слѣдовать за осужденными мыслимо-ли: вѣдь въ такомъ случаѣ законъ, карая преступника, подвергалъ-бы безвинно той-же участи и ничѣмъ не запятнаннаго человѣка. Вотъ почему съ давнихъ поръ, еще въ пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія, стала

постепенно назрѣвать мысль объ уврачеваніи указанныхъ печальныхъ послѣдствій безбрачья ссыльныхъ, стала сознаваться все съ большею и большею настоятельностью потребность пересмотра и измѣненія прежнихъ суровыхъ узаконеній о бракъ ссыльныхъ. Здѣсь кстати вспомнятъ добрымъ словомъ нынѣ покойнаго Преосвященнаго Веніамина, архіепископа Иркутскаго: онъ первый вызвалъ къ жизни вопросъ о бракъ ссыльныхъ, войдя въ 1853 году съ ходатайствомъ въ Святѣйшій Синодъ объ измѣненіи дѣйствовавшихъ по этому вопросу въ его время законовъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти сорокъ лѣтъ и вотъ въ исходѣ 1892 года (Высоч. повел. 14 Декабря) создаются новыя, въ замѣну прежнихъ, положенія о бракъ ссыльныхъ; и для нихъ засіялъ новый свѣтъ, настала новая эра жизни, жизни болѣе правильной, нравственной и христіанской.

По закону 1892 года, вошедшему уже въ отдѣльныя изданія частей Свода Законовъ, допускается расторгеніе брака не только за ссылкой въ каторжную работу и на поселеніе, какъ было по прежнимъ узаконеніямъ, но и за ссылкой на житье въ Сибирь (только въ Сибирь, а не въ какія-либо другія, хотя бы и отдаленныя, мѣста) и притомъ не только по просьбѣ невинныхъ супруговъ, но и по просьбѣ самихъ сосланныхъ (Т. XV, Улож. о Наказ., по

Продол. 1893 г., ст. 27, п. 1—Примѣч. и ст. 46, прим. 2-е и Т. X, ч. I, по Продол. 1893 г., ст. 45, п. 2). Невиновные супруги могутъ просить о разводѣ лишь при условіи, если они не послѣдовали за осужденными въ мѣсто ихъ ссылки, и притомъ при соблюденіи извѣстныхъ сроковъ, а именно: невиновныя супруги лицъ, приговоренныхъ въ каторжныя работы и на поселеніе, тотчасъ, а приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь на житье по истеченіи двухъ лѣтъ со дня вступленія въ законную силу судебного приговора о ссылкѣ ихъ виновныхъ супруговъ (Т. X, ч. I, изд. 1887 г., ст. 50. Уст. Дух. Конс. ст. 225 и Т. XIV, Уст. о ссыльн., по Продол. 1893 года, ст. 501, п. 1. Дополненіе). Сосланные могутъ просить о разводѣ, если за ними не послѣдовали ихъ невиновные супруги, при соблюденіи слѣдующихъ сроковъ: ссыльно-каторжные, смотря по разряду, къ коему они принадлежатъ, чрезъ три, два и одинъ годъ послѣ поступленія въ отрядъ исправляющихся (Т. XIV, Уст. о ссыльн., по Продол. 1893 г., ст. 409. Дополненіе), а ссыльно-поселенцы и сосланные въ Сибирь на житье чрезъ два года по вступленіи въ законную силу судебного о нихъ приговора (*ibid.* ст. 409 и ст. 501, п. 3. Дополненіе). Не допускается расторженіе брака за ссылкой въ томъ случаѣ, если сосланный, по Высочайшему соизволенію или по новому приговору суда, воз-

вращенъ изъ ссылки, а до тѣхъ поръ развода не состоялось (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г., ст. 53). Но съ другой стороны бракъ, оставшійся въ силѣ вслѣдствіе послѣдованія невиновнаго супруга за осужденнымъ, можетъ быть расторгнуть или въ томъ случаѣ, если виновный-сосланный супругъ вновь подвергнется приговору, влекущему за собою разрушеніе правъ семейственныхъ или вообще по другимъ законнымъ причинамъ (*ibid.* ст. 52). Если оба супруга подверглись ссылкѣ, то бракъ ихъ остается въ силѣ (Ук. 1818 г. П. С. З. № 27231). Судопроизводство по дѣламъ о расторженіи брака за ссылкой болѣе чѣмъ просто и несложно: ищущій развода долженъ лишь подать о томъ просьбу въ Консисторію, по мѣсту совершенія его брака, съ приложеніемъ такихъ документовъ (или одного статейнаго списка, или приговора суда о ссылкѣ и выписъ о бракѣ), изъ коихъ духовный судъ могъ бы усмотрѣть законность иска (Т. XIV, Уст. о ссылкѣ, по Прод. 1893 г., ст. 409. Дополненіе и ст. 501 пп. 1 и 5. Дополненіе). Дѣла эти рѣшаются Духовными Консисторіями окончательно, безъ представленія ихъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода (Уст. Дух. Конс. ст. 229).

Непосредственное *послѣдствіе* развода за ссылкой есть право обоихъ супруговъ на вступленіе въ новые браки. Что же касается до другихъ послѣдствій, то

они, собственно говоря, вытекают не изъ расторженія брака, а являются слѣдствіемъ самой ссылки. Если супругъ подвергся ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе, т. е. съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, то онъ утрачиваетъ прежнія его права семейственныя и права собственности и вообще всѣ гражданскія права, возникающія изъ супружества и союза родственнаго (Улож. о Наказ., изд. 1895 г., ст. 25 и 27); все прежнее имущество осужденнаго поступаетъ къ его законнымъ наслѣдникамъ (ibid. ст. 28). Утрачиваетъ также родительскую власть надъ дѣтьми (ibid. ст. 27, п. 2), которыя и *de jure*, и *de facto* остаются на попеченіи невиннаго супруга и при томъ такъ какъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія не распространяется ни на жену, ни на дѣтей, то какъ первая, такъ и послѣднія сохраняютъ тѣ права состоянія, въ которомъ состояли до ссылки ихъ мужа и отца. Ясно, что расторженіе брака, за ссылкой одного изъ супруговъ въ каторжную работу или на поселеніе, никакихъ другихъ кромѣ указанныхъ послѣдствій въ судьбѣ разведенныхъ супруговъ и ихъ дѣтей принести не можетъ. Далѣе, если супругъ подвергся ссылкѣ на житье, т. е. съ лишеніемъ только особенныхъ правъ и преимуществъ, то онъ сохраняетъ за собою семейственныя права и права собственности (Улож. о Наказ., ст. 46) и слѣдовательно всѣ его граждан-

скія права и обязанности возникающія изъ супружества и союза родственнаго; фактически-же сосланный супругъ утрачиваетъ лишь личныя права на жену и родительскую власть надъ дѣтьми, ибо какъ та, такъ и другія не обязываются по закону слѣдовать за осужденными въ мѣсто ссылки. Если на ряду со ссылкой одного изъ супруговъ на житье произойдетъ по этой причинѣ и расторженіе брака, то сіе послѣднее поведетъ лишь еще къ утратѣ супругами и имущественныхъ - наследственныхъ правъ одного надъ другимъ.

Заканчивая нашъ очеркъ о разводѣ за ссылкой, скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ-бы, по нашему мнѣнію, слѣдовало дополнить новыя (1892 года) столь гуманныя законы о бракѣ сосланныхъ. Допуская нынѣ расторженіе браковъ за ссылкой на житье только въ *Сибирь* (Разъясн. циркуляръ Св. Синода 7 октября 1893 г., № 7), справедливо было-бы распространить это правило и на лицъ, ссылаемыхъ на житье и въ другія отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи. Если дѣйствующія узаконенія не проводятъ разницы, въ отношеніи къ браку, между лицами сосланными съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія на поселеніе въ Сибирь и сосланными на поселеніе въ другія отдаленныя губерніи, напр., въ Закавказье, то почему-бы не уровнять между собою

ссылаемыхъ на житье въ Сибирь и ссылаемыхъ на житье хотя-бы въ тоже Закавказье. Въдь условія этихъ двухъ видовъ ссылки на житье, объемъ правъ лишений въ томъ и другомъ совершенно одинаковы и въ отношеніи къ браку ссылка на житье— въ Сибирь-ли или другія отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи одинаково является наказаніемъ исключаящимъ навсегда возможность продолженія супружеской жизни, если лицо невиновное по собственному желанію не послѣдуетъ за осужденнымъ въ мѣсто ссылки. Съ другой стороны, если законы 1892 г., допустивъ расторженіе браковъ, за ссылкой на житье въ Сибирь, имѣли въ виду устраниеніе среди сибирскихъ ссыльныхъ тѣхъ послѣдствій ихъ безбрачія, о которыхъ мы говорили выше, обезпеченіе этимъ ссылаемымъ семейнаго ихъ быта и возможности прочнаго водворенія, а равно и семейнаго быта ихъ невиновныхъ супруговъ, оставшихся на мѣстѣ, то не въ равной-ли степени примѣнимы эти доводы и къ ссылаемымъ на житье въ другія отдаленныя, кромѣ Сибири, губерніи и ихъ невиновнымъ супругамъ.

Наконецъ, едва-ли было-бы погрѣшительно допустить по тѣмъ-же соображеніямъ расторженіе браковъ и за ссылкой въ Сибирь на водвореніе за бродяжничество, а въ отношеніи къ тѣмъ сосланнымъ бродягамъ, которые до того времени

не были обязаны супружествомъ, отмѣнить или сократить установленный закономъ (Т. XIV, Уст. о ссыльн., ст. 511) срокъ для вступленія ихъ въ бракъ на мѣстѣ водворенія — пять лѣтъ со дня ихъ туда прибытія. Вѣдь если вина подобныхъ лицъ въ ихъ страсти къ бродяжничеству, то лучшимъ и пожалуй единственнымъ средствомъ ихъ исправленія, приученія къ правильной, осѣдлой жизни, на нашъ взглядъ, можетъ служить женитьба. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро бродяга, — а онъ большею частію безсемейный, — обзаведется семьею и хозяйствомъ, онъ тѣмъ самымъ невольно прикрѣпляется къ одному мѣсту и прежняя его страсть сама собою падаетъ передъ болѣе живучими естественными интересами его семьи, а вмѣстѣ съ симъ предупреждается возможность совершенія преступленій, столь свойственныхъ пустой бродячей жизни.

«Въ Сибири, читаемъ мы въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», за 1865 г., старожилы нисколько не прочь отдавать дочерей за поселенцевъ, особенно если крестьянинъ, довольно зажиточный, не имѣетъ сыновей, а только дочерей. Онъ съ радостью возьметъ въ домъ ссыльнаго. Примѣры этому извѣстны и нерѣдки. Одна бѣда, что большая часть молодыхъ ссыльныхъ — изъ бродягъ; они, на первой порѣ, не имѣя права жениться, увлекаются присками

и тамъ гибнуть физически и морально». Дозволеніе бродягамъ вступать въ бракъ въ первый-же годъ ихъ водворенія не будетъ-ли такимъ образомъ лучшимъ предупрежденіемъ ихъ увлеченій и гибели?

V. Неспособность къ брачному сожитію.

(Сумасшествіе и заразительныя болѣзни).

Въ числѣ основаній къ разводу неспособность одного изъ супруговъ къ брачному сожитію по современнымъ законамъ значитъ во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, допускающихъ вообще расторгеніе брака; различіе въ данномъ случаѣ получается лишь въ условіяхъ, при наличности которыхъ таковая неспособность можетъ быть признана поводомъ къ разводу. Въ православномъ исповѣданіи допускается расторгеніе брака вслѣдствіе лишь добрачной неспособности и притомъ не ранѣе какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со дня заключенія брака. (Т. X, ч. 1, изд. 1887 года, ст. 48 и 49). Въ евангелическо-лютеранскомъ и реформатскомъ исповѣданіяхъ — по неспособности не только добрачной, но и послѣбрачной, происшедшей по собственной винѣ неспособнаго супруга; просить о разводѣ по указанной причинѣ дозволяется лишь по истеченіи трехъ лѣтъ со времени открытія неспособности къ брач-

ному сожитію. (Уст. Ин. Исп. ст. 259. Уст. Ев. Ц. 1832 г. декабрь 28, § 126). Въ еврейскомъ исповѣданіи, гдѣ расторженіе брака совершается въ формѣ *gerudium'a* — отверженія мужемъ своей жены, гдѣ инициатива развода предоставлена свободной волѣ; собственному усмотрѣнію мужа (Второзаконіе XIV, 1 и 2), допускается тѣмъ не менѣе расторженіе брака и по иску жены, вслѣдствіе неспособности мужа къ брачному сожитію; неспособность эта должна быть доказана десятилѣтнимъ бракомъ; если же неспособность мужа очевидна, то разводъ можетъ быть истребованъ и ранѣе десятилѣтняго срока (Малышевъ, Курсъ общ. гражд. пр. т. I, § 1971). Допускается расторженіе брака по неспособности—половому безсилію (мужа) къ брачному сожитію, безъ указаній на время появленія неспособности, и у магометанъ (Шер. ч. II, кн. 19, ст. 504).

За безспорностью факта дозволенности, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, развода по неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію, возникаетъ вопросъ, что собственно разумѣть законъ подъ таковою неспособностью, каковъ ея характеръ и, такъ сказать, внутреннее содержаніе. Въ самыхъ нормахъ закона нѣтъ совсѣмъ опредѣленія этой неспособности — вездѣ законъ выражается обще,—но по отношенію къ инославнымъ исповѣ-

даніямъ—изъ сопоставленія всѣхъ вообще законоположеній о брачномъ разводѣ,—а въ отношеніи къ православному исповѣданію—изъ практики высшаго суда нашей церкви—Святѣйшаго Синода,—съ несомнѣнностію можно вывести заключеніе, что подъ неспособностію къ супружескому сожитію понимается исключительно физическая неспособность къ отправленію полового акта. Никакіе иные физическіе или нравственные дефекты, какъ напр., сумасшествіе, безумство, страданіе венерической и другими заразительными неизлѣчимыми болѣзнями, дѣлающіе *de facto* супружеское сожительство или совершенно невозможнымъ или безусловно опаснымъ для физическаго и нравственнаго здоровья другаго супруга, а равно могущаго быть отъ таково сожительства потомства, не входятъ въ понятіе той неспособности, которую разумѣетъ законъ, какъ причину развода. Но если законоположенія всѣхъ вышеприведенныхъ исповѣданій и ограничиваютъ содержаніе неспособности къ брачной жизни, какъ причины развода, столь узкою сферою, разумѣя подъ таковою неспособностію лишь физическую неспособность супруга къ совершенію полового акта, то вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ указанныхъ исповѣданіяхъ, кромѣ православнаго, этотъ узкій взглядъ на неспособность къ брачному сожитію, какъ причину развода, восполняется дозволеніемъ растор-

женія брака по другимъ самостоятельнымъ основаніямъ, въ сущности входящимъ въ тотъ-же общій составъ понятія о неспособности. Такъ, въ евангелическо-лютеранскомъ и реформатскомъ исповѣданіяхъ допускается, при наличности извѣстныхъ условий, расторженіе брака вслѣдствіе «неизлѣчимой заразной или крайне отвратительной болѣзни» (Уст. Ин. Исп. ст. 260—Уст. Ев. Ц. 1832 г. § 127) одного изъ супруговъ; расторгается также бракъ, по просьбѣ одной изъ сторонъ, если «законнымъ слѣдствіемъ доказано, что другая сторона лишилась ума, или имѣетъ припадки бѣшенства, и что сіе поврежденіе умственныхъ способностей продолжается болѣе года и по увѣренію врачей нѣтъ надежды на выздоровленіе» (Уст. Ин. Исп. ст. 261, Уст. Ев. Ц. 1832 г. § 128). Допускается разводъ по разнымъ болѣзнямъ супруговъ, какъ-то: проказа, падучая и венерическія болѣзни, по сумасшествію и безумію, и по законамъ еврейскимъ и у магометанъ (Малышевъ, Курсъ общ. гражд. пр. т. 1, стр. 384—386). Что-же касается до постановленій о брачномъ разводѣ въ нашей православной церкви, то по нынѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ разводъ дозволителенъ вслѣдствіе неспособности къ брачному сожитію только въ томъ ея смыслѣ, который указанъ нами выше; сумасшествіе-же и разныя заразные болѣзни, напр. венерическія, даже въ случаѣ ихъ неизлѣчи-

мости, не значатся въ числѣ поводовъ къ разводу, и хотя *de facto* устраняютъ всякую возможность физическаго и даже нравственнаго общенія съ страдающимъ ими супругомъ, не даютъ однако другому супругу права на полученіе развода. По нашимъ брачнымъ законамъ сумасшествіе значитъ лишь въ числѣ основанийъ для признанія брака недѣйствительнымъ (Т. X ч. 1, изд. 1887 г., ст. 37) въ томъ случаѣ, если въ порядкѣ суда уголовного (Т. XVI ч. II; Зак. о Суд. по дѣл. о Прест. и Прост., изд. 1892 г., ст. 695) будетъ доказано, что при самомъ совершеніи брака брачавшееся лицо находилось въ состояніи сумасшествія. Но не говоря уже о томъ, что доказать наличность сумасшествія именно въ данный моментъ является дѣломъ весьма труднымъ или прямо таки невозможнымъ, пользование этимъ правомъ прекращенія несостоятельнаго брака обставлено разными условіями, а главное ограничено давностію. Относительно заразительныхъ венерическихкихъ болѣзней, напр. сифилиса, наши брачные законы совсѣмъ не упоминаютъ; изъ практики же высшаго духовнаго суда—Святѣйшаго Синода—видно, что послѣдній не придастъ этимъ болѣзнямъ значенія самостоятельной причины развода и допускаетъ расторгненіе брака, при наличности названныхъ болѣзней у жены или мужа, въ томъ лишь случаѣ, если будетъ доказано, что болѣзни эти явились

слѣдствіемъ прелюбодѣянiя. Такъ, въ одномъ изъ дѣлъ Св. Синода (Проток. Св. Синода отъ 26 Марта 1809 года № 96) мы встрѣчаемъ слѣдующее рѣшеніе: «такъ какъ жена оказалась зараженною сифилисомъ въ замужествѣ, а мужъ остался незараженнымъ, то послѣку она навлекаетъ на себя подозрѣніе въ нарушеніи супружеской чистоты, бракъ расторгнуть». На ряду съ этимъ находимъ такой примѣръ: по заключенію врачебнаго управленія жена не могла быть въ безвредномъ сожитіи съ мужемъ, ибо страдала заразительною и неизлѣчимою венерическою болѣзнію. Синодъ отказалъ въ разводѣ, не усматривая, чтобы эта болѣзнь произошла отъ нарушенія супружеской чистоты (Проток. Св. Синода отъ 15 Мая 1833 г., № 69); по тѣмъ-же мотивамъ отказано въ разводѣ, хотя врачебнымъ управленіемъ было констатировано, что жена за три года до брака была заражена сифилисомъ и совершенно неспособна къ супружескому сожитію (Проток. Св. Синода отъ 20 Октября 1809 года № 69).

Спрашивается, въ силу какихъ соображеній по нашимъ брачнымъ законамъ ни сумасшествіе, ни заразительныя венерическія болѣзни, хотя-бы таковыя оказались и неизлѣчимыми, не признаются за неспособность страдающаго ими супруга къ брачному сожитію и не служатъ поводомъ къ расторженію брака? Есть-ли это простой пробѣлъ въ нашемъ брачномъ

законодательствѣ сравнительно съ законоположеніями о брачномъ разводѣ въ другихъ исповѣданіяхъ, или невключеніе упомянутыхъ болѣзней въ число поводовъ къ разводу имѣеть за собою какія-либо каноническія основанія или вѣскія соображенія чисто-юридическаго и моральнаго свойства? Отвѣтъ на поставленный нами вопросъ можетъ быть, по нашему мнѣнію, двоякій—и положительный, и отрицательный, — смотря по тому, остановимся-ли мы, говоря о законныхъ поводахъ къ разводу, исключительно на строго-канонической точкѣ зрѣнія или на данныхъ дѣйствовавшихъ и нынѣ дѣйствующихъ у насъ церковныхъ и гражданскихъ узаконеній о брачномъ разводѣ и далѣе на требованіяхъ и указаніяхъ самой жизни. Отвѣтъ будетъ отрицательный, если держаться исключительно строго-канонической точки зрѣнія—заповѣди Христовой: исходя изъ буквального пониманія этого начала, ни о какихъ иныхъ поводахъ къ расторженію брака, кромѣ вины прелюбодѣянія, не можетъ быть и рѣчи. Но съ другой стороны изъ приведеннаго нами краткаго очерка человѣческихъ законовъ о брачномъ разводѣ (см. очеркъ: «общія положенія о законныхъ причинахъ развода»), мы видимъ, что какъ восточная, такъ въ согласіи съ нею и русская церковь не остановились въ вопросѣ о расторженіи брака на буквѣ евангельскаго ученія: какъ та, такъ и

другая, оставаясь въ принципѣ вѣрными закону Божескому о нерасторжимости брака, создали, въ тѣсномъ союзѣ съ государствомъ, цѣлую систему бракоразводнаго права, признавъ возможнымъ допустить, въ качествѣ поводовъ къ разводу, и другія причины, а не одно прелюбодѣяніе. Не вдаваясь въ изысканія каноническихъ или научныхъ доводовъ къ оправданію такого уклоненія отъ строгости Христова ученія о нерасторжимости брака—это не входитъ въ нашу задачу, для которой важна главнымъ образомъ наличность факта расторгенія брака по разнымъ причинамъ, а не по одной винѣ прелюбодѣянія,—мы всетаки скажемъ, что однимъ изъ такихъ исходныхъ доводовъ служить самый характеръ ученія Христова вообще и о брачномъ разводѣ въ частности. Ученіе Христа о нерасторжимости брачнаго союза, вызванное извѣстнымъ вопросомъ фарисеевъ, не было закономъ положительнымъ, а имѣло и имѣетъ значеніе закона религіозно-нравственнаго, моральнаго; это есть проповѣдь — провозглашеніе того идеала, стремленіе приблизиться къ которому путемъ самосовершенствованія есть долгъ и цѣль каждаго смертнаго, но достигъ котораго, вмѣстѣ который, есть удѣлъ лишь избранныхъ. «Не вси вмѣщаютъ словесе сего, сказалъ Самъ Господь о Своемъ ученіи, но имже дано есть. Могиѣ вмѣстити, да вмѣститъ» (Матѣ. XIX, 11—12): вотъ практиче-

ская, житейская, такъ сказать, сторона ученія Христа о брачномъ союзѣ, степень его осуществимости. Въ этой именно основной мысли ученія Христа прежде всего и усмотрѣла восточная и наша церковь основаніе для допущенія «не могущимъ» по немощи своей, «вмѣстить» всю полноту Христова ученія, наряду съ прелюбодѣянiемъ, цѣлаго ряда и другихъ поводовъ къ разводу. Таковыми поводами по нашему современному бракоразводному праву служатъ, какъ уже было сказано выше, физическая неспособность къ брачному сожитію, ссылка въ Сибирь и безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ. Почему-же именно за этими поводами, а не за какими-либо иными, признана сила достаточнаго и законнаго основанія къ расторженію брака, въ чемъ заключается ихъ *ratio*, ихъ *raison d'être*? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы *eo ipso* разрѣшимъ и вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли или нѣтъ, есть-ли твердое основаніе включить въ число законныхъ причинъ къ расторженію брака сумасшествіе и неизлѣчимыя заразительныя болѣзни супруговъ, нынѣ по нашимъ узаконеніямъ о брачномъ разводѣ за таковыя не признаваемыя.

Естественная причина, разрывающая брачныя узы, есть смерть одного изъ супруговъ: съ наступленіемъ этого неизбѣжнаго акта другой супругъ получаетъ свободу отъ прежнихъ брачныхъ обѣтовъ и право на

вступленіе въ новый бракъ. Въ полной аналогіи съ смертію, въ смыслѣ разрушительнаго дѣйствія на бракъ, находятся, какъ мы видѣли, и ссылка въ Сибирь, и безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ. На самомъ дѣлѣ, при наличности этихъ причинъ, брачное сопряженіе становится фактически неосуществимымъ, между мужемъ и женою нѣтъ уже болѣе мѣста духовному и плотскому общенію, нѣтъ единства плоти и духа, одинъ изъ нихъ перестаетъ существовать, какъ-бы умираетъ, для другаго. Отсюда вполне понятно, почему ссылка и безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ признаны законными поводами къ расторженію, прекращенію брака: разъ послѣдній не существуетъ *de facto*, онъ не можетъ быть *de jure*. Не менѣе разрушительно вліяетъ на бракъ и физическая неспособность одного изъ супруговъ къ брачному сожитію, представляющая изъ себя естественное и непреодолимое препятствіе къ осуществленію всей полноты идеи брака, существо, природа коего, въ своемъ цѣломъ, слагается изъ двухъ элементовъ: этическаго, заключающагося въ полномъ и всестороннемъ общеніи разнообразныхъ жизненныхъ интересовъ между супругами (*consortium omnis vitae*) и физическаго, естественнаго; съ этой стороны бракъ есть «мужеви и женѣ сочетаніе». (Кормч. кн.) = *conjunctio*—*συνάφεια*, т. е. половой союзъ, взаимство плоти между мужемъ и

женою: «и будете оба въ плоть едину, яко-же ктому нѣста два, но плоть едина» (Матѳ. XIX, 5—6), есть, наконецъ, основаніе семьи, а за нею и государства, какъ совокупности отдѣльныхъ семей.

Вотъ почему, при отсутствіи хотя-бы одного изъ указанныхъ элементовъ, напр., элемента физическаго, бракъ становится несостоятельнымъ, не отвѣчающимъ своему назначенію и, какъ таковой, признается законами церкви и государства подлежащимъ, при желаніи невиноваго супруга, прекращенію или расторженію. Но есть и другой, такъ сказать, нравственный мотивъ, въ силу котораго физическая неспособность одного изъ супруговъ къ брачному сожитію даетъ другому супругу право на расторженіе брака и вступленіе въ новое супружество; мотивъ этотъ—огражденіе супруга, слабago по своей природѣ въ борьбѣ съ искушеніями плоти, отъ постоянной опасности грѣха прелюбодѣянія; средство, дабы не впасть въ этотъ грѣхъ, указано въ словахъ апостола Павла: «во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа» (I Коринѳ. VII, 2).

Не то-же ли разрушительное, разлагающее дѣйствіе на бракъ производятъ сумасшествіе и заразительныя болѣзни одного изъ супруговъ, не въ такой-же ли степени несостоятельнымъ, не оправдывающимъ самого себя является бракъ при налич-

ности этихъ причинъ, и потому, казалось-бы не съ тѣмъ-же ли правомъ и упомянутыя причины могли быть присоединены къ числу, нынѣ признаваемыхъ за вполне вѣскія и законныя, основаній къ расторженію брака. Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ изъ супруговъ страдаетъ неизлѣчимымъ сумасшествіемъ, то какова въ этомъ случаѣ участь другаго ни въ чемъ неповиннаго супруга. Есть-ли здѣсь мѣсто фактическому осуществленію духовнаго и плотскаго общенія между мужемъ и женою, единства плоти и духа между ними, а въ этомъ, вѣдь, все, изъ чего состоитъ бракъ. Не допускать расторженія брака при сумасшествіи одного изъ супруговъ, оставлять въ сожительствѣ съ нимъ другаго— неповиннаго супруга, не значить-ли это возлагать на послѣдняго непосильный подвигъ, требовать отъ него до нѣкоторой степени отреченія отъ самого себя, наконецъ, подвергать его, по немощамъ своимъ слабого въ борьбѣ съ искушеніями плоти, постоянной опасности грѣха прелюбодѣянія. Несомнѣнно, высшее нравственное чувство, завѣтъ христіанской любви къ ближнему, не оправдаетъ мужа, отворачивающагося отъ больной, несчастной жены, и наоборотъ, но если чаша страданій переполнилась, если, при всей самоотверженной любви къ больному нѣтъ уже болѣе ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ къ самопожертвованію, то неужели и при

этихъ условіяхъ церковь и государство не могутъ или не должны придти на помощь къ истерзанному несчастнымъ бракомъ супругу и, освободивъ его отъ этого брака, дать ему право и возможность на лучшую участь въ новомъ супружествѣ. Вѣдь, признають-же нынѣ дѣйствующія узаконенія возможнымъ и справедливымъ расторгать браки по физической неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію; тѣмъ паче, казалось-бы, должно быть допустимо расторженіе брака по сумасшествію, психической—моральной неспособности, причинѣ, несомнѣнно, болѣе тяжелой и важной. Да, наконецъ, едва-ли возможно человѣка большого психически, сумасшедшаго, считать вполне здоровымъ и способнымъ въ физическомъ, половомъ отношеніи. Вотъ что по этому поводу говоритъ медицинская экспертиза, извлеченная нами изъ одного бракоразводнаго дѣла: «половая функція выполняется при непосредственномъ участіи психической сферы, благодаря чему половая неспособность можетъ существовать при совершенно правильномъ и безболѣзненномъ состояніи половыхъ органовъ, будучи обусловлена исключительно отсутствіемъ или недостаточностію полового влеченія, т. е. правильное развитіе и безболѣзненное состояніе половыхъ органовъ не исключаетъ возможности половой неспособности къ брачному сожитію въ

силу того или иного психическаго состоянія даннаго лица».

Итакъ, все говоритъ за то, чтобы и сумасшествіе, наряду съ физической неспособностію къ брачному сожитію, было признано вполнѣ законною причиною къ расторженію брака, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, какъ-то: 1) сумасшествіе должно быть неизлѣчимое или, при невозможности со стороны медицины дать по сему предмету категорическое заключеніе, во всякомъ случаѣ—мало оставляющимъ надежды на выздоровленіе больнаго; будетъ-ли это сумасшествіе добрачное или послѣбрачное, сіе обстоятельство, какъ безразличное для существа брака, не должно, по нашему мнѣнію, имѣть какое-либо значеніе въ вопросѣ о расторженіи послѣдняго; 2) самое возбужденіе дѣла о разводѣ по сумасшествію должно быть допускаемо лишь по истеченіи опредѣленнаго срока со времени заключенія брака или начатія болѣзни, какъ это установлено въ дѣлахъ о расторженіи браковъ по физической неспособности, и 3) въ случаѣ расторженія брака, больной супругъ такъ или иначе долженъ быть обезпеченъ въ своемъ существованіи средствами другаго супруга, если не имѣетъ своихъ.

Останавливаясь засимъ на рѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли признать законною и уважительною причиною расторженія брака заразительныя

болѣзни—мы имѣемъ въ виду исключительно по-
ловья заразительныя болѣзни-сифились,—отвѣтъ
на это и только положительный мы имѣемъ уже въ
ранѣе высказанныхъ нами доводахъ по поводу фи-
зической неспособности и сумасшествія, какъ при-
чинъ развода. Существованіе такого брака, гдѣ
одинъ изъ супруговъ страдаетъ сифилитическою
болѣзью, прямо таки немыслимо. Если каждый изъ
насъ, изъ опасенія за самого себя, за свое физи-
ческое благополучіе, отстраняется отъ какого-бы
то ни было даже внѣшняго общенія съ такого
рода больнымъ человѣкомъ, то можно-ли говорить
о возможности супружеской, половой связи, съ
нимъ, той связи, которая порождаетъ—«два плоть
едину»; супружеское сожителство съ подобнымъ
лицомъ присоединить къ одному больному другому,
а въ случаѣ появленія потомства отъ такого соче-
танія, дать цѣлую семью несчастныхъ больныхъ
людей. «Наслѣдственныя опасности отъ сифилиса,
читаемъ въ брошюрѣ, объ этихъ болѣзняхъ, доктора
Чистякова (Основн. лечебн. борьбы съ сифилисомъ,
изд. 1897 г., стр. 4—5), еще болѣе безотрадны, чѣмъ
личныя. Сифились уменьшаетъ рождаемость и уве-
личиваетъ смертность дѣтей, мало того, онъ не
только количественно, но и качественно способ-
ствуетъ вырожденію населенія. А что касается
соціального значенія сифилиса, то довольно напо-

нить вызываемая имъ неспособность къ труду въ рабочемъ населеніи, обезцѣненіе народной силы, принимаемой подъ знамена, всѣ послѣдствія разрушенія семьи, вырожденіе расы и многое т. п., и трудно не согласиться, что сифились представляетъ такую социальную язву, съ которою ничто не можетъ сравниться». Значить, расторженіе брака вслѣдствіе заразной сифилитической болѣзни одного изъ супруговъ должно быть допущено не только во вниманіе къ ужасной участи отдѣльнаго лица—другаго супруга, но и въ интересахъ всего общества. Если законно расторженіе брака по чисто-физической неспособности супруга къ брачному сожитію, то столько-же, если не болѣе, будетъ справедливо и законно допустить расторженіе брака вслѣдствіе заразной сифилитической болѣзни супруга, ибо сей послѣдній какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ долженъ быть признанъ одинаково неспособнымъ къ брачной жизни, хотя источникъ этой неспособности и разный. Что касается далѣе до условій, при коихъ можетъ быть допущено расторженіе брака по указанной причинѣ, то, по нашему мнѣнію, таковымъ условіемъ должна быть лишь твердо констатированная наличность сифилитической болѣзни. Возможно-ли такое констатированіе при всякомъ теченіи болѣзни—это вѣдаютъ спеціалисты, отъ которыхъ вообще было-бы

желательно услышать компетентный отзывъ о томъ, какое значеніе можно придавать сифилису въ вопросѣ о причинахъ развода. Время происхожденія сифилиса у даннаго супруга, т. е. добрачная-ли это болѣзнь или послѣ брачная, а равно самый источникъ его происхожденія—появился-ли онъ у больного какъ незаслуженное несчастіе или какъ возмездіе ему за грѣхи прелюбодѣянія — для бытія брака это безразлично, существованіе послѣдняго одинаково немислимо безъ вреда для другаго супруга и могущаго быть отъ такого брака потомства. Наконецъ, поставлять условіемъ расторженія брака неизлѣчимость сифилитической болѣзни супруга (современная медицина признаетъ эту болѣзнь излѣчимою, но это признаніе слабое и робкое, скорѣе основанное на практическомъ наблюденіи, чѣмъ на доводахъ науки, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ медицина не отрицаетъ и того явленія, что излѣченный въ данную минуту сифилисъ не проявится впослѣдствіи, чрезъ извѣстный періодъ) было-бы необходимо и возможно въ томъ лишь случаѣ, если-бы у насъ существовало, въ видѣ правильно организованнаго юридическаго института, временное разлученіе (*separatio*) супруговъ, но разъ этого нѣтъ, упомянутое условіе отпадаетъ само собою.

До сихъ поръ мы разсматривали матеріальную

сторону вопроса о разводѣ за неспособностью къ брачному сожитію и сводимъ нашу рѣчь къ пожеланію, чтобы въ понятіе неспособности, какъ причины развода, были внесены не одна неспособность къ совершенію полового акта, какъ усвоено нынѣ дѣйствующими узаконеніями, но при извѣстныхъ условіяхъ и сумасшествіе и заразительныя болѣзни, не менѣе устраняющія возможность фактическаго осуществленія брачнаго союза. Теперь перейдемъ къ процессуальной сторонѣ того-же вопроса.

Судопроизводство по дѣламъ о разводѣ за неспособностью къ брачному сожитію просто и несложно: оно почти исключительно состоитъ изъ освидѣтельствованія, по требованію духовнаго суда, оговариваемаго въ неспособности супруга въ Врачебномъ Отдѣленіи Губернскаго Правленія, заключеніе коего и полагается въ основаніе рѣшенія духовнаго суда о разводѣ. Однако необходимо замѣтить, что заключеніе Врачебнаго Отдѣленія о неспособности даннаго супруга отнюдь не можетъ быть почитаемо обязательнымъ для рѣшенія духовнаго суда о разводѣ; принимая это заключеніе какъ отвѣтъ на извѣстный вопросъ компетентной власти, какъ актъ законной экспертизы, духовный судъ рѣшаетъ дѣло о разводѣ не на основаніи одного только заключенія Врачебнаго Отдѣленія, но и по

соображеніи и оцѣнкѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ дѣла.

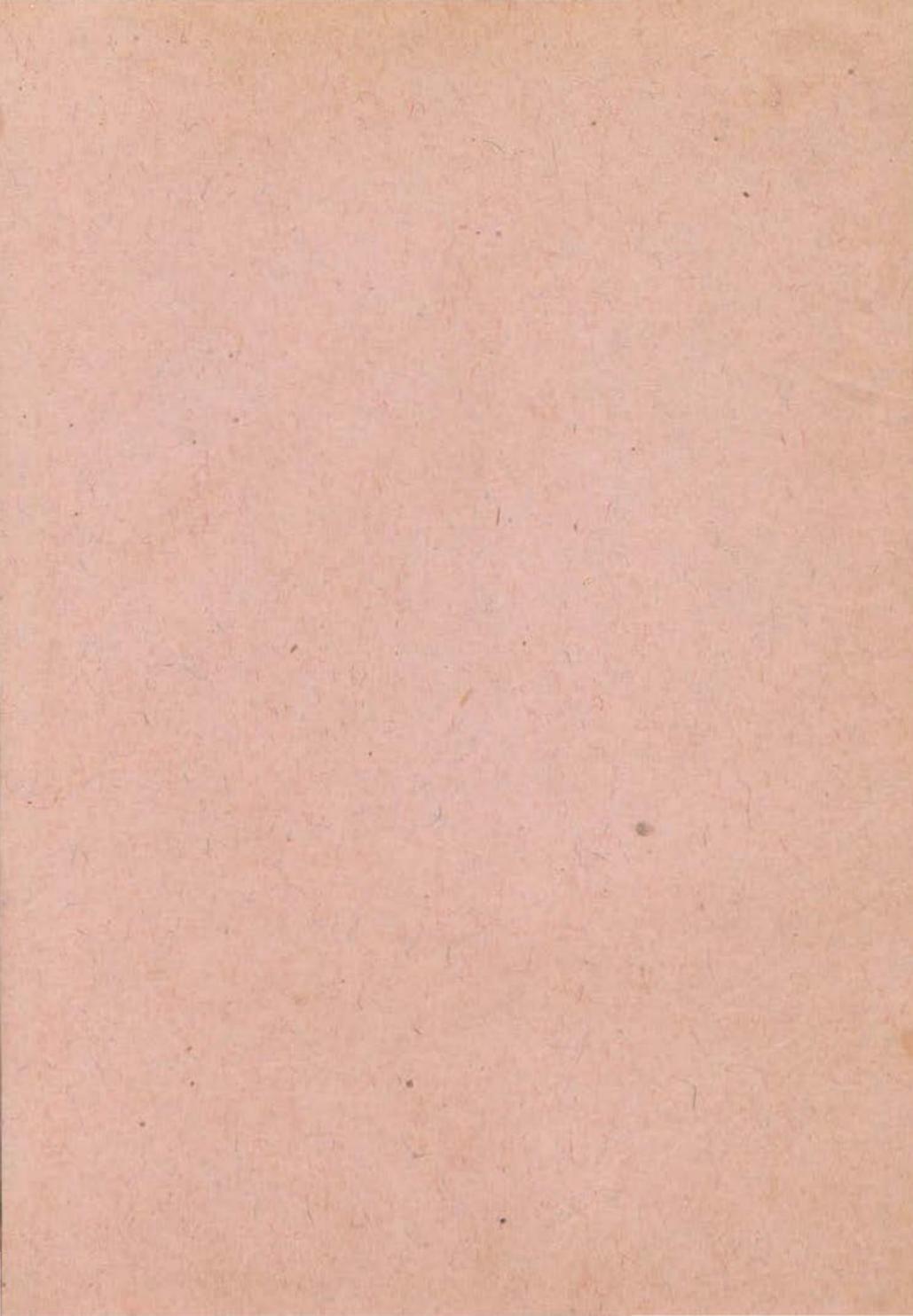
Послѣдствія расторгенія брака за неспособностью одного изъ супруговъ къ брачному сожитію тѣже, что и при расторгеніи брака за прелюбодѣяніемъ одного изъ нихъ. Что касается до дѣтей, рожденныхъ при существованіи брака, впоследствии расторгнутаго по физической неспособности мужа къ супружескому сожитію, то таковыя признаются незаконными (Т. X ч. I, изд. 1887 г., ст. 134). Сіе послѣднее постановленіе закона даетъ несомнѣнное основаніе, подтверждаемое и практикою духовнаго суда, заключать, что виновность супруга въ прелюбодѣяніи не погашаетъ его права искать расторгенія брака по неспособности другаго супруга къ брачному сожитію.

Sat! Feci, quod potui, faciant meliora potentes.

Сергѣй Григоровскій.

8 - АВГ-1940

2011136958